

OLGA GREENWELL

БРАК
В НАСЛЕДСТВО

18+

Greenwell Olga

Брак в наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69874012

SelfPub; 2023

Аннотация

Завещание деда перевернуло мою жизнь. Согласно ему, я должна выйти замуж за человека, которого ненавижу и который много лет преследовал меня в ночных кошмарах. И я иду на эту сделку, но цель моя – месть. Север Калинин заплатит за все страдания, которые принёс моей семье, ведь я готова пойти на всё, чтобы разрушить его жизнь так же, как он разрушил мою.

Greenwell Olga

Брак в наследство

Пролог

За окном моросил осенний дождь придавая еще больше уныния и без того отвратительному дню.

Савелий Васильевич Осадчий откинулся в кресле-каталке – веки полуприкрыты, морщинистые руки, все в выступающих венах, сложены на груди. Уже прошло полчаса, как семейный доктор вышел из кабинета, а он все никак не мог перестать проигрывать в голове его слова: «Не больше двух недель».

Конечно, старик понимал, что никто не вечен, но чтобы так быстро... Его империя, на которую он положил всю свою осознанную жизнь, накренилась, словно Пизанская башня, и вот-вот рухнет. Ну как можно так бесславно уйти, оставив своё детище на жадных идиотов?! Савелий Васильевич понял это пару дней назад после тщательного изучения финансового отчёта, когда на его вопросы, заданные суровым тоном, его тесть, который вот уже десять лет как был управляющим корпорацией, только махнул рукой. Сукин сын знал, что совсем скоро получит полный доступ к бизнесу.

Если только...

Нет. Тонкая улыбка на миг осветила лицо старика. Есть еще один козырь, о котором никто не догадывался.

Протянув руку к лежавшему на письменном столе телефону, набрал номер.

– Виктор, нам надо срочно увидеться.

1

Самолёт опаздывал на сорок минут – уже на подлёте к Москве попали в грозовые облака, и пришлось крутиться в ожидании, пока разрешат посадку. Я уже убрал свой ноут в сумку и лениво разглядывал жёлтое море деревьев внизу. Командир экипажа объявил, что в Москве сейчас четырнадцать градусов тепла и дождь. Возвращаться оттуда, где плюс сорок пять, в промозглую столицу совершенно не хотелось, тем более зная, что уже завтра меня ожидает встреча с «любимой» семейкой. По сути всё, что связывало меня с этими людьми – это дед, который так же как и они, не был мне родным, потому что когда-то усыновил моего отца, взял его мальчишкой из детдома.

Прикрыл глаза в попытке расслабиться, привести в порядок мысли и составить план действий. Знал, что будет нелегко – семейка еще та, одна Лина чего стоит.

Лина...

Воспоминания накрывали меня, словно волны в шторм.

Несколько лет назад

Выпускной вечер начался с пафосных речей учителей и директора и плавно перешел в дискотеку, а под конец – в

разнузданную гулянку. Из тёмных школьных закутков время от времени доносились то звуки поцелуев, то страстные стенания выпускниц. Взбудораженные парни с блестящими глазами то и дело шныряли в ближайшую палатку за бухлом.

Мы с моим другом Вовкой сидели на подоконнике – он перебирал струны гитары, а я исподволь выискивал в хороводе разодетых девчонок одну – Веронику, в то время самую желанную для меня девушку. Время от времени мелькало ее розовое атласное платье, и тогда я, вытянув шею, пытался разглядеть, одна она или с кем-то. Жутко хотелось подойти и признаться, что она мне нравится.

– Ты чего, Север? – Вовка отложил гитару в сторону, и теперь, ухмыляясь, глядел на меня. – Сохнешь, да?

– Да ну...

– Чего тебе терять-то? Подойди и скажи ей как есть. Все равно сегодня последний день, если что – никто ничего и не узнает. Да, так да, а нет, так ну что ж... *finita est comoedia*.

Друг прав.

После минутного раздумья я спрыгнул с подоконника и врезался в галдящую толпу. Веронику выцепил взглядом почти сразу – стояла в окружении подружек, что-то рассказывала такое, над чем они заливисто хохотали. Незаметно подойдя сзади, потянул ее за руку.

– Север? – удивленно распахнула глаза. – Тебе чего?

– Поговорить надо. Напоследок, – изо всех сил старался придать голосу нагловатый оттенок – девчонки такое любят.

– Валяй.

– Не здесь.

Девчонка смерила меня взглядом, хмыкнула и неожиданно кивнула:

– Ну ладно, пойдём...

Черт побери, куда? Позвал её, а у самого поджилки трясутся и язык в жопу провалился. Но все же махнул рукой следовать за мной. Вышли в сад. Набравшись храбрости, развернул Веронику за плечи.

– Ты мне нравишься, – сказал.

– Это все, что ты хотел мне сказать? – девчонка рассмеялась. – Ты хоть целоваться умеешь? – Растерялся. Хорошо, что было темно, и Вероника не могла видеть моего вспыхнувшего лица. Она тяжело вздохнула и скинула мои руки с плеч. – Ну понятно... В общем, Север, ты не в моем вкусе.

С этими словами девчонка повернулась и пошла обратно.

Я не побежал за ней. И не вернулся на вечеринку. Вместо этого взял такси и рванул к деду в его загородную резиденцию. Там достаточно комнат, чтобы затеряться. Не хотел, чтобы кто-либо видел меня в таком состоянии – растерянном, разочарованном, униженном.

Расплатившись с таксистом, вышел. Несмотря на высокий забор, дом все равно был виден. В детстве он казался средневековым замком. Я проводил здесь все каникулы и выходные, пока дед не рассорился с отцом. Но даже по-

сле этого двери этого дома для меня всегда были открыты. Несмотря на сильные противоречия между моим отцом и де-дом, он всегда был рад меня видеть.

Окно в его кабинете было освещено – он работал. Я при-ложил электронный ключ к двери и прошел во двор. Удивил-ся, увидев незнакомый автомобиль. Обошел его вокруг. Ма-шина дорогая, класса люкс, и она явно принадлежала жен-щине. На приборной доске – женские солнечные очки, на пассажирском сиденье – сумочка. У деда гости.

Я вошел в дом и по широкому коридору прошел в гости-ную. Везде было темно и ни намек на присутствие посто-ронних. Заглянул в бильярдную, в столовую, зашел в кух-ню. Только открыл холодильник, чтобы налить апельсиново-го сока, как уловил тихие шаги. Резко выпрямившись, обер-нулся.

Лина – родная дочь деда, чудо в его семье, родившееся, когда он уже усыновил моего отца, стояла в дверном проёме и неотрывно смотрела на меня. Ее слегка всклокоченные во-лосы цвета меди спускались по плечам и падали на грудь, ед-ва прикрытую кружевом сорочки. Почему на женщине, кро-ме неглиже на тонких бретельках, больше ничего нет?

– Север? – ее голос был низок, слегка хриловат. – Что ты здесь делаешь? Мой отец сказал, что у тебя выпускной вечер...

– Мне там стало скучно, – пожал плечами и незаметно сглотнул внезапно возникший в горле ком.

Женщина сделала несколько шагов ко мне, и я почувствовал сладкий восточный аромат ее духов.

– Неужели тебе нечем было там заняться? А как же девушки? Танцы до утра, поцелуи, объятия...

Помотал головой, понимая, что лицо заливается краской смущения. Похоже, Лина тоже это заметила, легко рассмеялась. – А, понятно, мальчик еще никогда этого не пробо-вал...

Господи, что она делает?

Теперь женщина была так близко, что я чувствовал жар ее тела, а ее грудь почти касалась моей, и от этого по всему телу бегали электрические разряды.

– Я могу научить тебя всему... – ладони Лины легли на мои плечи, – и никто никогда не посмеет смеяться над тобой, – спустились ниже, на грудь, а затем еще ниже, вызывая бурную реакцию между ног. – Ты будешь самым лучшим, самым желанным. Для всех... Ну?

– К-ка-ак? – выдавил из себя. Спиной уже уперся в стену, дороги назад не было во всех смыслах.

– Расслабься...

Ее шёпот был завораживающим. Широко распахнутые глаза внимательно следили за каждым моим движением, а губы совсем близко, так что наше дыхание уже смешивалось. Меня бросило в жар, когда почувствовал кончик ее языка между своих губ.

– ...Ли... – просипел.

Но она уже обвела язычком мою нижнюю губу, слегка по-сасывала, втягивала, а я плавился, плавился, как металл в доменной печи. Меня трясло от новизны ощущений, от непонятного желания, от страха, что нас могут увидеть. Я почувствовал руку Лины внизу живота. Ох, она сейчас узнает, что у меня встал!

– Ты такой милый, Север, такой нежный и робкий, – шептала мне в рот, всовывая язык между зубами. – Ну же, обхвати губами мои губы, и язык... обведи им моё небо, проведи вдоль дёсен...

Не хотел, а может и... хотел. Сопrotивляться не было сил. Только промямлил:

– Дед...

Тихий смех был ответом. Лина взяла мою руку и положила себе на грудь. Глядя мне в глаза, приказала:

– Сожми её, потяни за сосок.

Я чувствовал, что вот-вот кончу прямо в брюки.

Что она вытворяет?

А руки уже сами смяли ее грудь, сдавили соски, а из горла вырвался стон-всхлип, и лицо внезапно опустилось вниз в желании приникнуть губами к этим крупным розовым бутонам. В следующее мгновение пальцы Лины скользнули под резинку моих трусов.

Всё, я уже не мог больше сдерживаться. Белый туман залил все перед глазами, мурашки пузырьками побежали от кончиков пальцев в солнечное сплетение. Я обмяк, не со-

ображая ничего. И было стыдно, что тело так предательски подвело, излившись на руку женщины. А она только рассмеялась, прижалась ко мне:

– Понравилось, малыш? – Я что-то промычал в ответ, а Лина потянула меня за руку и прошептала: – Пойдём со мной.

– Куда?

– В мою спальню, мальчик. Всё только начинается.

Мозг давал требовательные команды телу не подчиняться, но глупой плотью управляла теперь совершенно другая голова, и я на подгибающихся ногах последовал за Линой.

Войдя в спальню, огляделся. Вдоль стены стояли чемоданы и сумки. Заметив мой интерес, Лина тряхнула головой.

– Поживу пару месяцев здесь, в отцовском доме.

– А Костя? – спросил о ее муже. Никогда не называл их с Линой дядей и тетей.

– О нём не беспокойся. Думаю, что он даже не заметит моего отсутствия, – мне показалось, что в ее голосе прозвучали злые нотки. – А Вера с няней...

Ах да, совершенно забыл, что у них есть ребенок. С тех пор как мой отец рассорился с Лениным, я практически не виделся с по крови родной деду частью семейства.

– ...Ну что ты стоишь, Север? Я жду тебя.

Подняв взгляд, в ужасе увидел Лину, полулежавшую на большой кровати. Бретельки пеньюара были уже спущены с плеч, обнажая большую грудь с затвердевшими сосками,

ноги раздвинуты, а там...

Я моргнул, не зная, что сказать, да и нужно ли это? Или, пока не поздно, броситься вон отсюда? Это же дочь моего, пусть и не родного, деда. Она уже старая, хотя и прекрасно сохранилась для своих тридцати с лишним лет. А если кто-нибудь об этом узнает? Дед застучает нас в постели? Меня тогда вышвырнут отсюда к ядерной матери!

Между ног снова стало тесно и неприятно влажно. Брюки точно придётся выкинуть на помойку, да так, чтобы никто их не увидел.

– Что... – пробормотал я, на всякий случай отступая к двери.

– Север, иди ко мне, не надо бояться, – Лина спустила ноги на пол, нахмурила свои узенькие брови. – Обещаю, что, кроме нас с тобой, никто ни о чём не узнает. Тебе, мой хороший, будет очень хорошо, о-о-очень...

Мгновенно вспомнил, как приятно было мять ее упругую грудь, всасывая сосок, слегка сжимая зубами. И кожа у нее такая бархатистая, ладони до сих пор чувствовали её тепло. А может, и впрямь никто не узнает? Не дура же Лина рассказывать своему мужу такое?

Несмело шагнул к кровати, а она, одобрительно кивнув, откинулась на подушки...

...Этой ночью я стал мужчиной. Можно было бы гордиться, но внутри оставался какой-то гнусный осадок. Словно она нагло воспользовалась моим телом и, довольная этим,

облизывалась, словно кошка, наевшаяся сметаны. Сметаной был я – по-прежнему испуганный и растерянный. На душе было гаденько, хотелось поскорее уйти в свою спальню, принять душ, чтобы смыть с себя запах греха и воспоминания.

Долго не мог уснуть. Уже рассвело, а я все ворочался. Матрас казался жестким, одеяло жарким, а подушки комковатыми. Мне мерещилось, что от меня по-прежнему пахнет сладковатыми духами Лины, которые вдруг стали неприятны до тошноты. А еще казалось, что дед узнает о моем ночном приключении.

Все-таки выражение «ночью все кошки серы» верно.

Утром сонный, с глазами-щелками, я спустился в столовую. Во главе накрытого для завтрака стола сидел дед, по левую руку от него Лина. Дворецкий поднес блюдо с овощами и поставил на стол.

– Свежая газета? – спросил его дед и в тот же момент заметил меня. – Север? – брови удивленно взлетели. – А ты откуда здесь, парень? Я думал, ты всю ночь будешь отрываться на выпускном.

– Доброе утро, дедуль, – улыбнулся я, бросив взгляд на Лину. Она была уже совсем другой – волосы убраны в аккуратный пучок, идеальный макияж, губы строго поджаты. – Приехал поздно ночью

– Присаживайся. Эдуард, еще один прибор для моего внука, – приказал дед дворецкому.

– Не ожидала тебя увидеть, – Лина сделала глоток кофе. –

Ты стал таким взрослым и так похож на своего отца.

Дед нахмурился.

– Если только внешне, Лина. Север совсем другой. Даже в детстве Сашка был сорви-голова. Удивляюсь, как она у него на плечах задержалась.

Женщина хмыкнула:

– Что верно, то верно. Ну а ты, Север, – она обратилась ко мне, – какие планы на будущее? Колледж, университет?

Пожал плечами – никаких планов у меня не было. В школе отличником не был, а покупать знания за деньги не хотелось. Да и денег не было – отец снова в бегах из-за какой-то контрабандной сделки, и всё наше имущество могли конфисковать. Больше всего я хотел уехать куда-нибудь подальше от всего этого.

– Не волнуйся, Лина, он не глупый, сам решит. Север, – обратился ко мне, – я, безусловно, могу тебе помочь, но не стану. Океан прибьет тебя к нужному берегу, а самостоятельная жизнь сделает тебя сильнее. Я сам учился выплывать из дерьма, и ты сможешь – ты парень смекалистый, а это для самостоятельного становления весьма важно.

Тётя покачала головой:

– Сейчас совсем другое время, и без образования и протекции никуда.

Дед рассмеялся:

– И что это твоё образование дало тебе? Валяешься в массажных салонах и бродишь по бутикам. А Костька твой, –

дед постучал по столу, – как был дубом, так и остался, никаким образованием не исправишь.

Лицо женщины пошло красными пятнами.

– Костя целыми днями торчит на работе, старается угодить тебе!

– Вот-вот – торчит. Как пень. А для чего? Угодить мне! – похоже, дед вконец развеселился, а глаза его дочери метали молнии.

– А ты думаешь, что этот щенок без образования справится с целой корпорацией? – Лина пренебрежительно ткнула в меня пальцем с ярко накрашенным ногтем. – Вот такой балбес?

Мне хотелось провалиться сквозь землю вместе со стулом, но я не мог выйти из-за стола – дед не позволял покидать стол без его разрешения.

Глаза Лины сузились, лицо побагровело, и сейчас она смотрела на меня с ненавистью. Она – та, которая полночи вытворяла со мной черт знает что, вылизывала всего, ласкала ртом, отдавалась со страстью и скакала на мне неутомимой наездницей!

Как же я жалел, что приехал сюда! Сидел бы сейчас с Вовкой, а не мечтал бы о том, как повернуть время вспять.

Как ни странно, но к концу завтрака и дед, и Лина успокоились и даже начали обсуждать новости бизнеса. Я с трудом доел омлет – аппетит пропал, и, получив милостивое разрешение покинуть стол, поторопился исчезнуть у себя в ком-

нате.

Мы и в дальнейшем встречались с Линой. Нечасто, но наши встречи были не менее страстными. Она бронировала номер в отеле, или тайком увозила в укромное местечко в ближайшем Подмосковье и отдавалась мне на заднем сиденье своего авто.

Я, кажется, начинал понимать для чего был нужен ей. Константин – ее муж – таскался по бабам, и Лина таким образом мстила ему. Только почему я? Каждый раз, собираясь на встречу с ней, я обещал себе, что он последний, а в следующий не мог отказаться от нее. Ненавидел себя за это, ненавидел Лину, но собирался и ехал к ней.

Всё прекратилось неожиданно и с болезненными для меня последствиями.

Был июль. По традиции, дед каждый год устраивал день семьи, когда все собирались вместе. Старик предпочитал устраивать подобные мероприятия на природе, на берегу озера или реки. В тот день все было как и в предыдущие годы.

Дед сидел в плетеном кресле-качалке со стаканом виски в руке. Около него находились телохранители. Чуть поодаль дети дальних родственников играли с мячом.

Я не чувствовал себя одиноким, хотя никогда не поддерживал отношения с дедовой родней. Мне нравился сосновый лес, запах хвои и шелест травы под ногами.

– Север! – позвал меня один из племянников Константи-

на Ивановича, мой ровесник. – Бери шампур, осетринка подросла.

Пока я ел шашлык, запивая белым вином, он рассказывал мне, что собирается в Англию в какой-то там колледж. Слушал вполуха – все эти колледжи меня мало интересовали. Год назад я открыл небольшой бизнес, и времени на учебу при всем желании у меня не оставалось.

– ... Знакомься, – Олег повернулся к подошедшей к нему смуглой брюнетке, – Жанна. Моя невеста.

– Очень приятно, – кивнул ей, понимая, что эти двое хотели бы остаться вдвоём. – Я прогуляюсь, поздороваюсь с дедом.

Его окружили со всех сторон, он что-то рассказывал, а все внимательно слушали и кивали. Неожиданно взгляд деда остановился на мне. Старик поманил меня пальцем.

– Север, а ну-ка подойти ко мне... Мы тут спорили по поводу того, куда сейчас выгоднее вложить прибыль. Может, ты подскажешь?

– Я?

Он что, нарочно хочет выставить меня посмешищем? Можно подумать, я знаю!

Замешкался, а дед выжидающе продолжал на меня смотреть. Да и все остальные тоже. Пришлось напрячься – куда бы я влил свое бабло, будь у меня его столько, сколько у деда?

– Сейф самое ненадёжное место, – выдал я, борясь со сму-

щением. – Будь он трижды не сгораемый. Но и к размещению в заграничных банках я бы подошел с осторожностью. Кто знает, каким будет веяние запада. Слишком опасно. Выходит лучше все средства размещать в разных банках, например в Европе надёжнее всего вкладывать капитал в банк Австрии. Там очень щепетильно относятся к банковской тайне. По прежнему надёжна Швейцария. В последнее время пользуются популярностью Сингапурские банки, а вот с Российскими банками свои сложности – тут есть свои риски, о которых, думаю все знают, не говоря уж опасность налететь на что-то подобное пирамиде.

– Bravo, Север, – дед хлопнул в ладони. – Мальчишка хоть и молод, но умен! Запомните его – однажды он заявит о себе!

– И, конечно, – продолжил я, – работать по правилам.

– Да? Это по каким же? – дед с интересом смотрел на меня.

А я, пожав плечами, пояснил:

– Делаешь деньги – делись с нужными людьми.

Все рассмеялись, а дед прищурился и спросил серьезно:

– Это с какими же?

– Единственные нужные люди – это государство. Чуть впал в немилость – уже небо в решётку. С остальными можно запросто справиться – и с банкирами и с конкурентами, а без поддержки политической власти не обойтись.

Дед хмыкнул и посмотрел на меня так, будто впервые увидел:

– Ты прав... прав, – покивал задумчиво головой, рассматривая меня. – не ожидал... – а потом словно очнулся и обратился к остальным: – С этим парнем шутки плохи.

– А причём здесь Север? – Я обернулся на голос. Константин Иванович, муж Лины, незаметно подошел сзади. – Кто он вообще такой, чтобы рассуждать на такие темы?

– Мой внук имеющий большой, не в пример тебе, потенциал.

– Потенциал? Да не смешите, Савелий Васильевич, у вашего внука, кстати, не родного, максимум потенциал его отца, о местонахождении которого никому ничего не известно.

– Костя, позволь мне решать, у кого какой потенциал. Пока я вижу светлое будущее только одного члена моей семьи, и это, к сожалению, – развел руками, – не ты.

Краем глаза я глянул на Константина. Он побледнел, скулы ходуном ходили, а кулаки он спрятал в карманы брюк. Быть камнем преткновения между двумя и так не жалующими друг друга родственниками – неприятно, и я, извинившись, отправился пройтись по берегу.

Шел не торопясь, собирая время от времени землянику.

Берег был крутой, песчаный, а в нем полно дырок – гнезд ласточек. Спустив ноги, сидел, наслаждаясь видом быстрой реки с шумом перекатывавшейся сквозь валуны. Внезапно взгляд выхватил что-то трепыхавшееся, и сначала подумал, что это плывёт какая-то живность, но тут же откинул эту мысль, всмотревшись. Человек! Ребёнок!

Я бросился в воду. Несколько широких гребков по быстрому течению вдогонку – всё решали секунды. Уже через минуту ухватил девочку за одежду, потянул на себя обмякшее тельце. Плыл обратно, ухватив ее за волосы, и мучительно вспоминая, как делать искусственное дыхание. Вытащил ребенка на берег и с ужасом узнал дочь Лины и Константина.

Реанимировать пришлось с минуту, но, наконец, из ее рта полилась вода, девочка закашлялась и открыла глаза, судорожно вздохнула.

Жива!

– А ну отвали от нее, сукин сын! – яростный окрик сверху заставил меня окаменеть. Девчушка уже села и, обхватив коленки, редела. – Извращенец!

Сверху посыпались камни. Я поднял голову и встретился с разъяренным взглядом Константина, отца девчонки. Он скачивался в крутого берега на узкую косу, куда я вытащил ребенка, лицо его было красным от ярости. Я ничего не успел ему объяснить – из глаз брызнули искры, и наступила темнота...

...Очнулся ночью и не сразу понял, где нахожусь. В ушах шумело, а ногам было холодно. Через какое-то время сообщил, что шумит река, а сам я наполовину в воде.

Лежал и глядел в черное небо на звёзды. Сил подняться не было – жутко болели рёбра, плечи, а лицо невыносимо жгло. Вдалеке послышался лай собак.

С трудом перевернувшись на живот, попытался встать на

четвереньки. Боль пронзила тело, я задохнулся и упал плашмя, лицом утонув в песке. Собачий лай приближался. Уже представил свору бездомных псов, раздиравших меня на части.

Неожиданно ослепил яркий свет, я зажмурился.

– Здесь кто-то есть, – услышал голос, а затем собачье дыхание, и мокрый нос ткнулся в лицо.

Я открыл глаза.

Меня на что-то положили и куда-то понесли. Я снова потерял сознание и очнулся уже на кровати. Вокруг белые стены, на них солнечные лучи. Открыл рот, чтобы спросить, где я, но почувствовав мягкое прикосновение к плечу и замер.

– Тьфу, напугал ты меня, Север. – Дед. Он сидел на стуле возле кровати, на широкие плечи был накинут белый халат. – Кто так тебя отделал?

Я видел, как он напрягся – знал сам, но хотел услышать от меня.

– Сам упал. Берег очень крутой.

– А зачем ты туда сунулся?

– Дед, с девчонкой всё в порядке? – вместо ответа спросил я.

Старик похлопал меня по руке:

– С Лучиком всё хорошо. Напугана, конечно...

Лучик. Я улыбнулся, припоминая, что у дочки Лины рыжие волосы – под цвет заходящего солнца.

Мы молчали. Я боялся спрашивать, помня, что кричал

отец девчонки, но дед сам начал разговор:

– Я знаю, что ты ни в чём не виноват. Это просто недоразумение. Константину что-то привиделось, видать, слишком много выпил...

– Дед... – попытался объяснить, но он только поднес палец к моим губам.

– Шш, все рано или поздно образуется. Я тебя слишком хорошо знаю, и Костыку тоже. У него свой интерес.

– Дед, Вера упала в воду. Она...

Но старик уже поднялся со стула.

– Отдыхай, набирайся сил.

Я в отчаянии сверлил взглядом его спину. Дед не захотел выслушать, что произошло на самом деле...

После этого мои контакты со всеми, кроме деда, сошли на нет. И меня это вовсе не огорчило, наоборот. Стало легче дышать, зная, что больше не услышу чуть хрипловатый голос Лины в телефонной трубке, ее командный тон. Зная, что больше ей не попользоваться моими телом и слишком гуттаперчевой душой. Я был свободен. И чем дольше не видел эту семейку, тем больше во мне росла обида и желание свести с ними счеты.

Отношения с дедом не изменились, даже стали более доверительными. Мы стали чаще видеться, время от времени он брал меня в деловые поездки, разрешал присутствовать на совещаниях. Сначала это было просто занятно, потом, когда я нахватался по верхам, появился азарт узнать больше,

порой хотелось вступить в обсуждения, ткнуть очередной бестолочи в его идиотские выводы или невыгодные и потому подозрительные предложения.

Дед наблюдал за мной, а после наедине расспрашивал, что я думаю по поводу обсуждаемого вопроса. Я порой горячо спорил с ним, поздно понимая, что он и так и так пытался сбить меня с толку, но довольно усмеялся, потому что ему это не удавалось. Тогда он добро хлопал меня по плечу. А когда однажды, представив меня своим помощником, дал мне высказаться на очередной деловой встрече, я даже опешил, но собрался и смог спокойно доказать свою точку зрения.

Дед остался доволен. И в тот вечер мы с ним даже ужинали в ресторане – отмечали мою внезапную маленькую победу. Я уже не стеснялся высказывать своё мнение, зачастую это заканчивалось жаркими спорами.

Время шло, и я всё чаще замечал деда, сидевшего за столом, уставившись в одну точку. Он стал слишком задумчивым и, казалось, печальным. Это не могло не беспокоить – старику, несмотря на острый ум, всё-таки восемьдесят.

Выяснилось все, как это бывает, неожиданно.

Мы только закончили наш вечерний шахматный матч, и дворецкий принес нам обоим по чашке чая. Дед, откинувшись в кресле, некоторое время смотрел на меня, поглаживая седую бороду.

– Тебя что-то беспокоит? – осмелился я спросить его.

– Да... беспокоит... – Я напрягся. – Меня беспокоишь ты,

Север.

– Я? – отставил чашку с горячим напитком в сторону.

– Я понимаю, что у тебя хорошая работа, тебя там ценят...

– начал он. К тому времени я был исполнительным директором небольшой, но успешной транспортной компании. – Но не пора ли взяться за ум?

– Что ты имеешь в виду?

– Я всегда говорил, что не буду тебе помогать. И сейчас тоже не собираюсь это делать. Вместо этого я хочу инвестировать в тебя кое-какие деньги.

– Деньги? В меня?

– погоди, не перебивай, – нахмурившись, дед остановил меня. – Ты не только мой внук, ты – мой проект. Поэтому я могу и хочу вложить в тебя кое-какие средства. Кстати, – он усмехнулся. – Я сделал это и вчера получил подтверждение...

– Подтверждение?

– Север, тебе надо иметь терпение и научиться слушать. – Дед кричась встал с кресла, прошел к сейфу и, набрав комбинацию цифр, открыл его. Повернувшись ко мне, продемонстрировал большой серый конверт. – Это письмо из Лондонской Школы Бизнеса, в котором говорится о том, что ты зачислен на обучение.

– Как?.. – я онемел. У меня работа, и учиться я не собирался. Да и не мог себе позволить статусное образование. – Но я не...

Дед хмыкнул, тряхнул головой:

– Здесь не может быть твоего «но» и «я». Это моё решение, и точка. Не думай, Север, я это делаю не ради тебя. Как я уже сказал, ты – мой проект. Всё что я делаю для тебя, на самом деле я делаю для себя.

Наморщив лоб, я вертел в руках конверт, который дедушка сунул мне в руки. Ободряюще похлопав меня по спине, старик покинул кабинет, оставив меня в совершеннейшем раздрае.

2

Сейчас

Очнулся от легкого прикосновения к плечу. Открыл глаза. Мило улыбаясь, бортпроводница заглядывала мне в лицо:

– Простите. Пристегнитесь, пожалуйста. Наш самолёт заходит на посадку.

Я посмотрел в иллюминатор – город быстро летел навстречу. На секунду в груди защемило. Дед, человек, которого я уважал больше всех, умер. Больше никогда не услышу его голоса, слегка ироничного смеха, язвительных замечаний. Никогда не услышу его мудрых советов. Не сыграть больше с ним партию в шахматы и просто в вечерней тишине не попить чаю.

Меньше месяца назад виделся с дедом, когда он неожиданно вызвал меня в свою резиденцию, чтобы объявить свою волю. Я не хотел слушать, отнекивался, пытаюсь убедить и деда, и себя, что ему еще жить и жить. А он только смеялся

в бороду, лукаво качая головой.

– Я уже отжил своё, Север, да и подустал малёк. Пришла пора передачи трудового знамени. Но, – он поднял указательный палец. – Я всё же хочу, чтобы моё детище осталось в семье – кровь не водица, и поэтому моё волеизъявление узнаешь, когда меня уже не будет.

Я судорожно кивнул, сглатывая комок слёз. Именно сейчас я не хотел показаться деду разнюнившимся хлюпиком. Все проявления слабости оставлю на потом, когда останусь один.

Дед неожиданно обхватил меня за шею и притянул к себе. Его глаза не мигая смотрели в мои.

– Только поклянись, что что бы ты ни подумал, моя воля будет выполнена.

– Конечно, дедуль...

– Поклянись!

– Клянусь, что что бы ты ни написал в своем завещании, всё будет исполнено.

– Вот так вот, внучок, – рассмеялся, и его смех перешел в кашель. – Письменного подтверждения не требую, верю тебе.

– Спасибо.

Тот вечер был последним, когда я видел деда живым. На следующее утро я улетел в Дубай, где меня ждали клиенты на подписание выгодного контракта.

Самое лучшее время года в Бенидорме – это сентябрь. Расположенный на солнечном побережье Коста-Бланка курорт считался настоящей жемчужиной Средиземноморского побережья. Теплое море, песчаный пляж, мягкий климат...

Если бы не необходимость время от времени появляться в офисе, никогда бы не покидала наш чудесный домик. В последнее время все сложнее и сложнее было делегировать свои обязанности кому-либо, да и отец выражал явное недовольство тем, что я пропускала заседания акционеров. Можно подумать, от меня там хоть какой-то толк. Вообще непонятно, почему они не могут оставить меня в покое. В нашей корпорации полно тех, кто рвением и деловыми качествами гораздо больше заслуживает такую работу – унылую, тусклую, с бесконечной бумажной рутинной... О-ох-х...

Услышала позади хлопок двери и, натянув на нос солнцезащитные очки, обернулась. Мама, одетая в полупрозрачное парео, вышла на патио. В руках поднос с причудливыми коктейлями, украшенными зонтиками и кусочками фруктов.

– Девочки! – помахала нам рукой. – Присоединяйтесь!

Я толкнула Майку в бок:

– Мать зовёт.

Мы поднялись с лежаков, стряхнули зернышки песка – мама ненавидела мусор на патио. Майка шла чуть впереди, и я с завистью оглядывала ее фигуру. Ягодицы призывно переваливались, а грудь пятого размера видно едва ли не со спины. Недаром ей всегда первой доставалось внимание парней,

а мне только «объедки». Одна надежда на то, что с возрастом стану больше похожа на маму.

– Девчонки, сиеста-тайм! – мама радостно засмеялась, сверкнув жемчужно-белыми зубами. – Налетайте! Славик готовит шашлычки.

Славик – наш охранник и водитель в одном лице, а иногда мне казалось, что некто больший для мамы. Во всяком случае, взгляды, которые он бросал на маму, ничего общего с охраной не имели.

– Майка, ты прекрасно загорела! Настоящая испаночка! – от комплимента моей матери подруга расцвела. А я покосилась на отражение в стекле – да, такого загара мне не видать просто из-за того, что я родилась рыжей. – Ну что ж, девочки, хочу вас огорчить – пора возвращаться в Москву.

– Ма, а почему ты такая радостная? – я нахмурилась.

Что нас там ждет, кроме мерзопакостной слякотной погоды? И да – еще офисной работы.

Мама вздохнула, тень густых ресниц легла на скулы:

– Дед умер.

Я на миг застыла в недоумении. Она так просто об этом говорит, да еще улыбается, словно это какое-то радостное событие, а не смерть ее отца.

– Ну... – она отвернулась, пожала плечами, – он был уже такой старый, мучился, там ему лучше будет.

– Где там, мам? – я покачала головой. Насколько знала деда, он не верил ни в райские кущи, ни в адские геенны.

– Слушай, Вер, какая тебе разница? Ну, умер он и умер. Старый он уже был.

Майка звонко рассмеялась, взяла с подноса стакан с коктейлем:

– Вер, действительно, расслабься.

Поёжилась. Неприятно стало – как можно радоваться смерти родного человека?!

Схватив стакан с Пина коладой, я пошла в дом. По телу пробежали мурашки от чересчур холодного кондиционированного воздуха в нём. Уже собиралась пройти в гостиную за пледом, когда внимание привлёк разговор отца с кем-то по телефону.

– ...Через полгода всё будет полностью под моим контролем. Я, наконец, возглавлю совет директоров и гарантирую, что тогда мы сможем увеличить поставки. Во всяком случае, никто больше не будет вставлять палки в колёса. Обещаю, что всё будет сделано вовремя, так что, Григорий Ильич, можете смело выдавать кредит, – услышала, как скрипнуло кресло – отец должно быть откинулся в нём, затем раздался лёгкий смех. – Я давно ждал этого дня! Невероятно, но старикан тянул на девятый десяток!

Закусила губу. И отец туда же. Наверняка сегодня соберутся за праздничным столом, мать, как всегда, переберёт с выпивкой, а потом будет валяться на диване и плакать о своей горькой судьбе. Вот только почему она горькая – со-

вершенно непонятно: деньги, дочь, любящий муж... Может, собачки или кошечки ей не хватает?

Мы с дедом не были близки. Он был занят бизнесом и когда приезжал в наш дом по делам, был слишком холоден и строг. Самое большее, что можно было от него дожидаться – это еле заметный кивок. Дед Савелий имел крепкое телосложение и высокий рост, и совершенно не производил впечатления старика: всегда подтянутый, в идеальном костюме и при галстуке – настоящий бизнесмен. Когда я была маленькой, он проявлял ко мне интерес, брал с собой на конные прогулки, рассказывал истории из своей жизни и ласково называл меня Лучиком – из-за цвета моих волос. Но с тех пор, как умерла его жена, дед замкнулся в себе и в своем бизнесе. Нормальный он был мужик, тянул выстроенную им империю на себе, пока моя мамочка моталась по курортам. Папка хоть и работал, но далеко не с такой отдачей, как его тесть.

– Вер! – Майка распахнула дверь, испытующим взглядом окинула меня с головы до ног. – Ты что, правда расстроилась?

– Да, – сказала просто, одновременно спрашивая себя мысленно, расстроилась я или нет. – Мне непонятен ваш цинизм.

– Надо быть проще. Пожил своё – отойди и дай пожить другим. Зато совсем скоро твой отец сможет делать всё, что

захочет. И зря ты мать свою почти до слёз расстроила.

– Она плачет? – я усмехнулась. – Вот это нормальная реакция на смерть отца.

– Девочки, что вы тут раскудахтались? – в двери появился потягивающийся отец. – Опять спорите? – Бросил взгляд на меня, задержал чуть больше на Майке. Хм, надо будет проверить мои догадки. – Быстренько переодевайтесь, поедем в наш любимый ресторан.

Майка в ответ заулыбалась, хлопала густыми ресницами.

Бесит всё!

Лина последний раз глянула на себя в зеркальце заднего вида – выглядит прекрасно, и еще раз кинула взгляд на заднее сиденье автомобиля. Костя, как обычно, сидел, вперившись в ноут, и наверняка даже не заметил, что они уже прибыли. Дочь с недовольным видом писала кому-то SMS-ки.

– Приехали, – скомандовала Лина, вынимая ключ из замка зажигания.

Муж вышел и, обойдя машину, открыл для дочери дверцу.

– Моё присутствие так необходимо? – услышала Лина капризный голос.

Спорить не хотелось. Пока летели в самолёте и по дороге из аэропорта, ей пришлось вынести целую баталию с дочерью. Костя, как назло, молчал, старательно избегая участия

в женских конфликтах. Так всегда: когда надо – молчит, а когда не надо – рот не закрывается. Остановилась на мгновение, меряя взглядом огромный особняк. Совсем скоро все это будет её. И не только дом. Наконец-то можно будет вздохнуть и зажить полноценной жизнью, не оглядываясь на отца, не боясь сделать что-то не так, не слыша его раздраженный голос.

В доме было тихо. Старик Эдвард, дворецкий, предложив чай, попросил подняться в кабинет Савелия Васильевича.

– Юрий Степанович ждет вас.

Адвокат отца. Ну что ж, осталось всего ничего – оглашение завещания, и можно будет расслабиться.

– Неплохая картина, – прокомментировал Костя, идя следом за Линой.

– Да, отец приобрёл ее на аукционе во Франции. Я еще совсем маленькой была. Наверняка стоит огромных денег.

– Можно будет продать, – заметил муж.

– Кость, а зачем? Чего тебе не хватает?

Сзади раздался язвительный смех Веры:

– Делите шкуру не убитого медведя?

– Убитого, Верочка, убитого.

Оправив черную накидку, Лина открыла дверь кабинета отца.

Адвокат сидел за большим столом из черного дерева и что-то писал. Увидев вошедших, встал.

– Добрый день, – кивнул. – Присаживайтесь.

Вера плюхнулась в кресло у стены, Лина осталась стоять.

– Давайте только побыстрее, – девушка сунула телефон в сумочку, взглянула на часы. – У меня дел невпроворот.

– Эдуард сейчас принесёт напитки, – Юрий Степанович успокаивающе улыбнулся.

– Это совсем не обязательно. Давайте поскорее покончим с этим, – хмыкнула Лина. – Или мы кого то ждём?

Константин хмуро поглядел на жену.

– Кстати, твой брат Александр не собирался пожаловать?

– С ума сошёл, Кость? Ему нельзя высовывать нос. Никто даже не знает, где этот придурок блуждает!

– Ну, тогда не будем терять время, Юрий Степанович, давайте приступим к оглашению и узнаем последнюю волю Савелия Васильевича, – поторопил Константин.

– Я бы рад, – адвокат развел руками, – но мы ожидаем еще одного члена семьи. Лина слегка приподняла бровки, с недоумением огляделась.

– Члена семьи?

– А вот и он.

Дверь распахнулась, и на пороге показался мужчина. Высокий, в темно-сером костюме и чёрной водолазке. Головы всех присутствующих повернулись к нему.

Лина почувствовала, как кровь отлила от лица. Север. Господи, а он-то здесь откуда? И каким он стал! Тело неожиданно отреагировало – внизу живота всё завибрировало, а трусики наполнились влагой. Исподтишка бросила взгляд на

мужа. Лицо Кости напоминало высеченную из камня маску. Только Вера, похоже, получала удовольствие от этой немой сцены.

– Мам, пап, а что это еще за неизвестный член?

– Лучше бы тебе его не знать, – пробормотал Константин под нос.

– Рад приветствовать всех, – голос вошедшего был глубоким и проникновенным, – и выражаю своё сожаление, что встретиться пришлось по весьма печальному поводу.

– Хорош, Север, – Константин уже оправился от шока и теперь с насмешкой глядел на мужчину. – Лучше скажи, какого хрена ты здесь делаешь? Сто лет тебя не видел и еще бы столько не видеть. Ровно как и твоего папашу.

– О, так это и есть тот самый Север? – в глазах Веры появился интерес, и девушка еле сдерживала смех. – А ничего такой! Ну, приветик, – она вскочила с кресла и, подойдя к мужчине, протянула руку.

– Привет, Лучик, – тот улыбнулся ей в ответ и поднес руку к губам.

Лина внезапно почувствовала странную неприязнь к дочери.

– Так что, начнём? – нетерпеливо дёрнула плечами.

Юрий Степанович откашлялся, еще раз обвел собравшихся взглядом.

– Хочу выразить всем вам свои искренние соболезнова-

ния...

– Давайте без этого, – перебил Константин, хватая с подноса, принесенного дворецким, стакан с водой. – Всё и так понятно. Только и слышны за последние дни собοлезнования!

Лина кинула взгляд на Севера – выражение его лица было безмятежным, а она готова была броситься к нему на шею. Как же она скучала!

– Итак... Это моё последнее волеизъявление, которое я, находясь в здравом уме и рассудке, доношу до членов моей семьи и близких, – зачитывал адвокат. – Все прежние завещания и соглашения аннулированы. Назначаю своего внука Калинина Северина Александровича полномочным исполнителем моей воли...

– Что-о?! – Глаза Лины широко распахнулись, а челюсть Константина отвисла.

– ...Я отдаю в полное владение и пользование всё своё имущество, включая загородный дом и всё, что в нем находится, своему полномочному исполнителю. Акции моей компании в размере семидесяти процентов и все активы переходят в полное и безоговорочное владение Калинина Северина Александровича, а управление корпорацией незамедлительно попадает под его контроль. Моя дочь, Осадчая Лина Савельевна, получает двадцать процентов акций и автомобиль «Volvo», который находится по её адресу. Моей внучке завещаю оставшуюся часть акций компании в разме-

ре десяти процентов и лошадь Пчёлку...

– Лошадь? – взвилась Вера. – Нафига мне лошадь?!

– Невероятно... – Лина без сил опустила в кресло, погрузив лицо в ладони.

– Да такого просто не может быть! – Константин с силой ударил кулаком о стену. – О каком здравом смысле может идти речь?! Неужели не понятно, что старик явно выжил из ума?!

– Это завещание легко оспорить! – Лина вскочила и бросилась к столу. – Юрий Степанович, – голос женщины дрожал, – такого просто не может быть, ведь он... он... он даже не родной. Он никто. Север, ну что ты стоишь? Ты ведь понимаешь, что это просто бред сумасшедшего!

Адвокат снял очки и, повертев в руках, снова надел на нос:

– Простите, Лина Савельевна, можно я продолжу?

– Продолжите? Что? Этот маразм?

Еще немного и ноги откажутся держать и ее, и она осядет жалкой тряпкой в ногах у Севера. Константин, заметив, что жена вот-вот упадёт в обморок, обхватил ее талию.

Вера, взяв с подноса стакан воды, поспешила к матери:

– Мам, попей, – потрянула головой и с ненавистью поглядела на нежданного родственника. – Бред...

– Кхе-кхе, я продолжу... – Юрий Степанович снова уткнулся в бумаги, старательно избегая смотреть на ошеломлённое семейство. – Моим посмертным волеизъявлени-

ем приказываю моей внучке Осадчей Вере Константиновне выйти замуж за моего внука Калинина Северина Александровича, а тому безотказно взять её в жёны. В случае их брака Осадчая Вера Константиновна получит право проживать в моём доме с последующим правом на остальное наследство. Настоящим заверяю, что данное завещание не подлежит оспариванию и изменениям. Приложение к завещанию для всех членов семьи находится в банковской ячейке, и его копии будут переданы каждому из заинтересованных лиц моим адвокатом в день его прочтения.

Игорь Степанович отложил бумаги и достал из портфеля четыре конверта.

– Мам, пап, сегодня случайно не первое апреля? – Вера сверлила Севера глазами, в которых полыхало пламя. Казалось, еще чуть-чуть – и мужчина задымится. Но он как ни в чем не бывало стоял, словно для него содержание завещания не было новостью. – Я что, должна выйти замуж за это? – Она презрительно кивнула в сторону мужчины. – А ничего, что у меня уже есть жених? И что я впервые вижу этого ублюдка? И что...

– Замолчи, Вера! – Лина схватилась за голову. – Все замолчите! Костя... – попыталась трясущейся рукой взять стакан с водой, но не удержала, и он со звоном упал на пол, разлетевшись на осколки.

– Ты права, дочь, – Константин перевел тяжелый взгляд на Севера. – Это действительно ублюдок. – Затем протянул

руку к адвокату. – Давайте эти идиотские приложения.

– Хочу заметить, что каждое из них является сугубо персональным для каждого из вас, так как содержит интимную информацию.

– Давайте сюда! – рявкнул мужчина, выхватывая из рук адвоката конверт со своим именем. – Дерьмо...

– Идиотизм, – забыв про носовой платок, Лина утерла мокрое от слез лицо тыльной стороной ладони. – Это что еще за фокусы старого маразматика?

– Мне ничего не надо, – повернувшись, Вера пошла к выходу, но, наткнувшись на стоявшего у дверей Севера, выставила средний палец. – Вот лошадь Пчёлку и возьми себе в жены.

В ответ мужчина только тихо рассмеялся:

– Давно не объезжал норовистых кобылок.

– Козёл! Урод! Гнусный ублюдок!

Я сидела на заднем сиденье и без устали долбила кулаком по кожаной обивке. Был бы в руке нож, все было бы искромсано в клочки. Родители сидели спереди, отец за рулём. Оба молчали. Похоже, у мамы просто не осталось сил. Время от времени доносились ее всхлипывания. Я бы тоже хотела всплакнуть.

Да какое там всплакнуть?! Хотелось реветь белугой, но, как назло, глаза были сухи, их жгло, словно сыпанули песка. Дед здорово разочаровал меня, если так можно выразиться.

Теперь я прекрасно понимала и мать, и отца, почему они так к нему относились. Гадкий шутник, фантазёр!

Телефон снова затырындел в сумочке – Борис. Какие, к хрену, свидания?! Сейчас бы поскорее добраться до дома и упасть в кровать. Может, утром все прояснится, встанет на свои места. Отец обещал найти хорошего адвоката и подать на апелляцию. Ну невозможно просто поверить в этот бред – я и какой-то плебей, прикрывающийся дедовской мошной.

Едва машина остановилась у дома, я выскочила и бросилась в подъезд. Не терпелось закрыться у себя в комнате, остаться одной, не слышать бормотания отца и всхлипывания мамы. Уже из своей комнаты слышала, как они вошли в квартиру, долго топтались в холле, а потом разошлись по своим комнатам.

Долго не могла заснуть, все думала над происшедшим сегодня и не могла поверить, что все это случилось наяву. Когда ехала в дедов дом, представить не могла, что что-то пойдет не так. Рассчитывала провести там максимум час – подумаешь, записка какого-то там завещания. Кто мог ожидать такого поворота?

Север... Да кто он такой, чтобы дед ни с того ни с сего доверил ему всю свою империю?! Разве мой отец не служил на ее благо много лет? Разве мама не была его долгожданным поздним ребенком? Почему дед решил за меня, кого выбрать в мужа? В конце концов, мы живем не в средневековье и не в какой-нибудь стране третьего мира.

И откуда этот Север знает мое прозвище? Неужели дед рассказывал обо мне, планируя выдать меня замуж за этого мудвина?

Мысли беспокойно сновали в голове, мешая уснуть.

От жалости к себе наконец-то расплакалась, уткнувшись в подушку, почувствовала облегчение и провалилась в спокойный сон.

...Меня окружала вода, грохочущая, пытавшаяся поглотить. Изо всех сил я барахталась, но в глазах уже темнело, руки и ноги наливались тяжестью, а дышать становилось всё труднее. Веки сомкнулись, и в этот момент я почувствовала резкую боль, словно с меня сдирали скальп. В следующий миг подняла веки и с ужасом увидела немигающие тёмные, словно грозовые тучи, глаза, вперившиеся в меня, ощутила тяжесть тела, навалившегося на меня. Хотела закричать, но захлебнулась водой, которая лилась, казалось, изо всех отверстий на моём лице. Хотела оттолкнуть незнакомца, но тело было неподвижно. И спасительный крик. Крик моего отца...

Резко проснувшись, я села в кровати. Сердце стучало где-то в ушах. Господи, опять этот кошмар! Думала, что больше никогда не увижу его. По привычке спустила ноги с кровати, собираясь броситься в родительскую спальню, но вовремя поняла, что давно уже не ребенок.

Этот страшный сон преследовал меня больше пяти лет после того случая, о котором так хотелось знать больше и в то же время хотелось забыть раз и навсегда. Смутно помнила, как отец с кем-то дрался, страшно кричал, затем прибежала мама и, подхватив меня на руки, куда-то побежала.

Затем начались еженедельные походы к психотерапевту, которые длились долгие пять лет. Может, они и помогли, а может, я просто переросла свою фобию к мужским прикосновениям, хотя, скорее всего, в глубине души так и остался страх.

Родители всеми силами старались отвлечь меня, занять чем-то – студия танцев, поездки по самым дорогим курортам, учёба в колледже...

Пожалуй, именно там мне пришлось сложнее всего – слишком многие парни заглядывались на меня, не давали проходу, и, конечно, хотели большего – того, к чему я так и не была готова.

С Борисом я познакомилась на последнем курсе. Он понравился мне сразу – не наглый, как другие парни, вежливый, с хорошими манерами. И родителям он тоже понравился. Единственному человеку, которому мой парень не пришелся по вкусу – был дедушка. Долго расспрашивал Бориса о политике, бизнесе, хмурился, качая головой, а я мучительно ждала, когда же закончится эта пытка – прекрасно видела, что Бориса разговор с дедушкой раздражал.

Включив ночник, я достала фотографию парня, заложен-

ную между страниц книги. Он такой милый – копна вьющихся рыжеватых волос, искренняя улыбка, в прищуренных светло-карих глазах озорной блеск. Такой терпеливый и понимающий. Другой бы на его месте давно уже искал себе развлечения на стороне, но Борис чутко давал мне привыкнуть к нему, к его нежным поцелуям и объятиям. Не торопил. Борис – идеал мужчины.

Снова захотелось плакать. Почему, ну почему дедушка решил, что запросто может распоряжаться моей судьбой, заставив выйти замуж за какого-то отщепенца?!

Да, конечно, я слышала о Севере, хотя при мне родители никогда не обсуждали его. Если и говорили что-то, то, едва услышав мои шаги, тут же умолкали. Пока я была ребёнком, это мало волновало, а потом я уехала на учёбу.

И вот, наконец, я увидела этого мужчину воочию.

Когда он вошел в кабинет деда, я сразу поняла, что его лицо мне знакомо, мы встречались раньше. Уже через минуту вспомнила, что видела его фотографии у дедушки в доме. Север на них был либо ребенком, либо подростком. Сегодня я с трудом его узнала.

От мужчины веяло скрытой сексуальностью, он напоминал хищника. Серьезный, губы плотно сжаты, и такой холодный взгляд тёмно-карих, почти чёрных глаз...

Так, стоп!

Взгляд.

Всхлипнув, я уткнулась лицом в колени.

Господи...

Меня начало трясти крупной дрожью. Эти его глаза точь-в-точь как я видела в кошмарах. Вскочила, заметалась по комнате, в темноте натыкаясь на мебель. Я должна, должна разузнать всё про этого Севера. И чем быстрее, тем лучше.

Войдя в свой кабинет, Константин плотно прикрыл дверь и прошел к столу. Галстук душил, и он нетерпеливо стянул его с себя, скинул пиджак. Немедленно позвонить адвокату! Открыл ящик стола, достал записную книжку и, найдя нужный номер, взялся за телефон.

Уже когда раздались гудки, мужчина вспомнил о конверте с неким «приложением», которое так и осталось в портфеле. Чертыхнувшись, повесил трубку. Пожалуй, перед разговором с адвокатом стоит лучше подготовиться и как следует изучить все документы. Хотя...

Он хмыкнул. Такое идиотское завещание оспорить – как два пальца об асфальт. Уже к следующей неделе всё повернется в их с Линой сторону, и этому выскочке придется с поджатым хвостом уйти с горизонта.

Константин вскрыл конверт и вытряхнул его содержимое. А это что ещё? Несколько цветных фотографий легли на стол, заставив при одном взгляде на них похолодеть.

Твою ж мать!

Да это же он и... чёрт! Откуда у старого хрыча это?

Яйца сразу поджались, затерявшись в паху – на изобра-

жении он с пацаном, которого как-то подцепил в клубе, обнюхавшись кокаина. Оба голые, в позах, не оставляющих сомнений. На другой фотографии он уже с двумя девчонками, которых трахал в сауне полночи напролёт.

Язык прилип к небу от ужаса, что Лина увидит это, и тогда ему и всей их семейной жизни, а значит и всему его имуществу, придёт капец.

Константин без сил опустился на стул. Может, сразу застрелиться?

Схватил белый конверт, вытащил письмо.

Читал медленно, по несколько раз перечитывая каждую строчку, которые плясали и расплывались перед глазами. Старый сукин сын!

«Дорогой зять,

это моё последнее приветствие, теперь уже с того света. Я надеюсь, что теперь ты понимаешь, что тебе лучше принять нежелательную действительность, не сопротивляться и признать поражение. В противном случае твои проделки станут известны твоей супруге, и она будет действовать согласно брачному контракту..

Желаю удачи,

Калинин Савелий Васильевич».

С трудом подавив звериный рёв, рвущийся из глотки, Константин запихнул весь компромат обратно. Сегодня же

сожжет всё, чтобы никогда больше не видеть это, не думать, не бояться.

Уставился невидящим взглядом на телефон. Похоже, звонок адвокату отменяется.

Нет, просто так Константин не сдастся – он уничтожит этого ублюдка!

Лина прислушивалась к звукам, доносившимся из спальни дочери. Была уже ночь, но сна ни в одном глазу. Женщина, как была все в той же одежде, так и осталась лежать, распластавшись на кровати, уставившись пустым взглядом в потолок. Она не знала сколько времени лежала так, да и ей было всё равно. Апатия навалилась тяжелым грузом, не хотелось двигаться, а больше всего не хотелось ни о чём думать.

Может быть, когда наступит завтра, все образуется, и станет на свои места? Надо просто ждать. Лежать и ждать. Хотя нет, зачем лежать без дела? Лучше подготовиться к завтрашнему дню. Костя наверняка свяжется с адвокатом, и тогда уже вечером она лично сообщит Северу о его неудаче. Лично.

При мысли о том, что вновь сможет сделать этого мужчину своим, и даже больше – подчинить его, губы Лины изогнулись в улыбке. Протянув руку, она взяла с прикроватной тумбочки запечатанный конверт серого цвета и, открыв его, высыпала содержащиеся в нем бумаги на кровать.

От неожиданности вскрикнула. Прямо на Лину с фото-

графией смотрела она сама – довольная, в соблазнительном неглиже ярко-алого цвета, а позади, сомкнув ладони на ее обнаженной груди, стоял Борис – парень ее дочери. Лина зашлась в кашле – горло стянуло спазмом, воздух словно покинул легкие.

А это что ещё? Она и Север? Несколько фотографий самого разного периода, и одна из них с тех самых пор, когда всё только начиналось.

Отец знал обо всём и молчал все эти годы?!

С ненавистью начала рвать фотографии на мелкие клочки. Какое тут лежание на кровати?! Не дай бог эти фотографии увидит Костя! Тогда всё! Она останется на улице без гроша в кармане!

Господи, как же так?!

Рука потянулась к листу бумаги, приготовившись изорвать и его, но в самый последний момент заметила мелкий аккуратный почерк отца. Поднесла к глазам, быстро прочитала, затем еще, и еще раз:

«Дорогая дочка,

Прими от меня небольшой прощальный сюрприз. Знаю, что ты будешь очень расстроена моим завещанием, будешь злиться и – знаю тебя – постарайся все сделать как привыкла. Твой эгоизм и неукротимое желание подчинять и властвовать вынудили меня на такой шаг. Надеюсь, что, ознакомившись с содержимым этого пакета, ты исполнишь

мою волю, в противном случае потеряешь все, что имеешь. Наверняка ты не захочешь, чтобы твой дражайший супруг воспользовался своим правом лишить тебя всего, согласно брачному контракту. Да и твоей любимой дочери было бы неприятно узнать о похождениях ее матери.

*Прощай и не поминай лихом,
Твой любящий папа».*

Ах... Слезы закапали на лист бумаги, размывая чернила. Как он мог? Как мог отец так поступить с ней?!

Лицом уткнулась в подушку, закусив кусок наволочки, пытаюсь сдержать вопль отчаяния. Ничего, еще придет ее час, когда-нибудь она посмеется последней.

3

Семейство, наконец, удалилось восвояси, затем уехал и Юрий Степанович. Дворецкий, постучав в дверь, спросил, не желаю ли я чего. Всё, чего мне хотелось – это остаться одному. Да, удружил мне дедуля. Я еще тогда догадывался, что старик затеял что-то неординарное, когда он выманивал у меня клятву. Но чтобы такое!

Жениться на одной из Осадчих?! На Вере?!

Мне хватило одного взгляда на эту девицу, чтобы сразу понять, что она маленькая испорченная дрянь, одного поля ягода со своей матерью. Этот капризный голос, едкие комментарии... Малолетка. Сколько ей, этой Вере, вообще лет? И что теперь делать?

Если бы я и решил себя обременить узами брака, то моей избранницей была бы Мира – серьезная, умная и утонченная женщина, с которой у нас были необременительные отношения на протяжении последних четырех лет. Захотел бы, и между нами всё могло бы быть серьезней – это я был не готов, оттягивал, выжидая непонятно чего. А сейчас уже поздно. Даже не заглядывая в серый конверт, оставленный мне дедом, знал, что его решение не отменить. Да и не стал бы – поклялся, не подумав о последствиях.

Открыл сейф и сунул туда конверт. Телефон завибрировал в кармане брюк. Мира.

Когда я улетал сюда, она собирала вещи. Мы хотели провести какое-то время в Москве, и она даже предлагала вместе посетить похороны деда. Но сейчас о её приезде не может быть и речи. Что я ей скажу? Что у нас больше не может быть отношений, что ей не на что больше надеяться и, скорее всего, нам никогда больше не придётся встречаться?

Да, я понимал, что, как и многие другие мужчины, мог иметь в дополнение к жене еще и любовницу, но это было бы нечестно по отношению к Мире, да и сам не хотел уподобляться подобным горе-мужьям – достаточно уже насмотрелся на их кобелиную сущность. В то же время существовать оставшуюся жизнь с нелюбимой, даже, более того – ненавистной мне женщиной представлялось невыносимым.

Телефон на минуту затих, а потом снова ожил. Сглотнув комок в горле, решил. Я еще не успел ответить, а Мира

уже взволнованным голосом спросила:

– Что-то произошло?

Ну вот откуда она знает? Редко когда ты с человеком на одной волне, а вот с Мирой у нас полнейшее взаимопонимание. Она чувствует меня.

– Да. То есть, нет. Нет, черт побери... – процедил сквозь зубы. – Я не хочу сейчас говорить об этом.

– Ты хочешь, чтобы я приехала?

Да, да, черт побери. Ее поддержка мне сейчас ох как необходима, но только зачем ей приезжать, если всё, что должен сделать – это проститься с ней?

– Не надо...

Словно видел, как ее черные изогнутые брови поползли вверх. Она молчала, но в этом молчании было гораздо больше слов и вопросов.

– Оставайся там, Мира.

– Хорошо, – она выдохнула. – Чувствую, что тебе надо побыть одному. Позвоню завтра. Днём.

Умница. Отлично знает, что сейчас я пойду в какой-нибудь бар и напьюсь, а утром буду не в том состоянии, чтобы вести серьезный разговор.

– Спасибо, – только и сказал и нажал на красную кнопку отбоя.

Водитель терпеливо ждал меня во дворе. Вернусь в отель, и надо принять душ, смыть с себя все, что налипло на меня

– самые различные эмоции. Я их чувствовал, словно видел их цвет, и все они были слишком темных оттенков.

Остаток вечера проведу в баре отеля, засяду в самом дальнем уголке и буду глушить виски, пока останутся силы только на то, чтобы вернуться в номер.

Проснулась утром от голосов в столовой. Прислушалась – голос отца, матери и кто-то третий. Стянула с вешалки халат, сунула ноги в домашние тапочки и, кинув взгляд в зеркало на всё еще опухшее от слёз лицо, поспешила узнать, что за гость пожаловал с самого утра.

Борис.

Он спокойно сидел рядом с мамой, пил кофе и они тихо смеялись над какими-то шутками. Отец как ни в чем ни бывало просматривал прессу. Меня поразила эта мирная картина, словно еще несколько часов назад не произошло из ряда вон выходящее событие. Может, это вообще мне всё приснилось? Незаметно ущипнула себя за руку – не сплю. Да и уже заметила припухшие от слёз глаза мамы.

Борис, заметив, что я вошла, тут же вскочил со стула.

– Верочка, – быстро подошёл, взял за плечи. Его глаза внимательно изучали моё лицо. – Ты не отвечала, и я всю ночь думал о тебе. Всё нормально?

Кивнула в ответ. Пусть расценивает, как хочет. Всё совсем не нормально, но говорить об этом и что-то объяснять совсем не хотелось. Лучше потом расскажу, когда отец все

уладит с адвокатами, может, тогда даже посмеемся вместе.

– Я буду рядом с тобой, – его губы прикоснулись к моему лбу. – Если хочешь, мы вместе поедem на похороны. Знаю, как тебе тяжело...

Всё, я больше не могла этого вынести. Оттолкнув парня, выкрикнула:

– Вовсе мне не тяжело! Мне пофиг, понятно? И ни на какие похороны я не поеду!

Отец, отложив газету, уставился на меня. Застыла и мама с чашкой кофе в руке.

– Вера? – Борис явно не врубался в ситуацию. Конечно, мама и папа наверняка не рассказали ему, что его невеста теперь бесприданница, да и не его вовсе.

– Ну что, дорогие родители, может, расскажете моему бойфренду последние новости?

– Вера, успокойся, – мама строго поджала губы. – Всё будет хорошо. Папа сегодня же всё исправит...

– Я не понимаю, – пробормотал Борис, в глазах – тревога.

– Не волнуйся, Боря, Вера очень любила дедушку и поэтому так реагирует, – мама предостерегающе посмотрела на меня. – Думаю, что ей необходимо какое-то время, чтобы свыкнуться с его кончиной. Будет лучше, если вы решите свои проблемы после похорон моего отца. Завтра в полдень.

Парень кивнул:

– Я понял, – сжал мои руки. А мне хотелось плакать от злости и бессилия. – Ты знаешь, я всегда буду рядом, только

позови.

Он взял свою куртку и прошел в прихожую. Услышала, как закрылась за ним дверь.

– Мам, пап, что вы сидите? Пап, ты уже связался с адвокатом?

– Вера, – отец встал с кресла. – Мы обсудили всё с твоей мамой и, к сожалению, пришли к выводу, что ничего не можем изменить.

– Что-о?

– Завещание твоего деда мы оспаривать не будем.

– Что было в этих конвертах? Я хочу знать, – топнула ногой.

– Малышка, – мама обняла меня, погладила по плечу. – К сожалению, тебе придётся сделать так, как велел дед.

– Мне? – слезы брызнули из моих глаз. – Почему мне? Это же несерьёзно! Вы что, на самом деле думаете, что я вот так возьму, брошу всё, порву с Борисом и выйду замуж за этого вашего Севера? Да кто он такой?!

– Тебе придётся это сделать, – отец поджал губы. Я видела, как сжались его челюсти. – Обещаю, что ненадолго. Я сам лично избавлю тебя от этого брака, но сейчас...

– Он шантажировал вас, да?

– Вера, – мама обхватила моё лицо руками, заглянула в глаза. – Так будет лучше для всех нас. Мы не можем просто взять и отдать корпорацию в руки этому проходимцу. Ты должна стать нашим помощником в стане врага. Нашими

глазами и ушами.

– Как? Вы же знаете, что я ничего не понимаю в бизнесе.

– Значит, тебе придется вспомнить, чему тебя пять лет учили в колледже.

Я что-то буркнула в ответ. Учили. Это были самые скучные годы моей жизни. Основы бизнеса, экономики, финансирование... мрак.

Высвободившись из материнских объятий, я выбежала из столовой.

Дождь лил, как из ведра, небо было тяжелое и серое, и казалось, что рухнет на землю. Еще на подъезде к современному зданию из стекла и бетона увидел скопление черной массы людей. Много, слишком много людей, в основном – деловых партнёров, которые пришли попрощаться с Савелием Калининым. Решив припарковаться подальше – все равно на кладбище придётся ехать в лимузине, я не торопясь направился к входу в здание, откуда вот-вот должны были вынести гроб с телом покойного. Высматривал знакомые лица. За долгие годы узнал многих людей, но сейчас меня больше всего интересовала семья. Моя, но в тоже время и не моя. Предполагал, что после оглашения завещания они могли и вовсе проигнорировать похороны. Хорошо знал Лину с её властным и упёртым характером, да и у её мужа тот еще нрав. Невольно коснулся шрама над бровью, оставшегося после того, как Константин избил меня.

Меня узнавали, произносили сочувствующие слова, жали руки, ободряюще хлопали по спине – знали, чем для меня был дед. Протиснувшись к дверям, вошел внутрь, где в фойе стоял лакированный деревянный гроб, окруженный невероятным количеством цветов.

Взгляд сразу выхватил Лину. Она стояла рядом с усопшим, лицо, скрытое чёрной вуалью, опущено, в руке сжимает носовой платок. Ее муж чуть позади, отчаянно пытался придать лицу скорбное выражение. Мой взгляд невольно зацепился за худенькую, чересчур худенькую фигурку в черном.

Вера – моя так называемая невеста. Она даже не смотрела на деда, просто стояла, о чём-то задумавшись, совершенно позабыв, что правила этикета требуют выглядеть опечаленной. Губы девушки то кривились в презрительной усмешке, то плотно сжимались – она явно злилась. Слишком молодая и необузданная, совершенно невыдержанная, как молодое игристое вино. Я усмехнулся этому сравнению. Молодое вино слишком резкое и с горьковатым вкусом, а я привык к дорогим, с мягкими бархатистыми нотками.

Внезапно, она перевела взгляд на меня, и наши глаза встретились. В ее – неприязнь, презрение и интерес. Хм...

До нашей свадьбы как минимум пара-тройка месяцев, и за это время девушка должна свыкнуться с этим, узнать меня, а я должен постараться сделать так, чтобы наша с ней жизнь не превратилась в ад. Сглотнул горький комок, собравшийся

в горле, и увидел, как губы Веры тронула усмешка. Ничего, я приложу все усилия, чтобы укротить эту дерзкую девицу.

В черном лиму собралось только близкие, включая меня. По дороге до кладбища пришлось сидеть рядом с Константином, от которого исходили флюиды ненависти. Старался не смотреть ни на кого, но взгляд невольно скользил, выбирая из всех присутствовавших в тесном пространстве Веру. Ее тонкие, обтянутые тонким нейлоном лодыжки, судорожно стиснутые пальцы, поникшие плечи. Я старательно избегал смотреть ей в лицо – не хотелось быть заживо сожжённым яростным пламенем из её глаз. Странно, но я испытывал чувство вины, и чем дальше мы ехали, тем сильнее оно разгоралось. Нет, я понимал деда, помнил его слова про «кровь – не водица». Его задумка была хороша, но всё-таки не мог полностью оправдать его бесцеремонное вмешательство в наши жизни.

Еще вчера, до того, как запить своё горе виски, прошерстил в интернете все о семействе Осадчих. Я и раньше интересовался ими, но только с точки зрения бизнеса, а сейчас у меня был личный интерес. Особенно к Вере.

У нее был парень, почти жених. Какой-то Глебов Борис, с которым девушка была в отношениях уже больше года. Достаточно симпатичный, душа компании, состоит на должности маркетингового менеджера в теперь уже моей корпорации. Не семи пядей во лбу, но исполнительный. И, самое

главное, Вера и этот парень совсем недавно обручились.

Взглядом выцепил тоненький ободок с белым камушком на безымянном пальце девушки. Я видел их фотку в инсте, где Борис преподносил ей это кольцо.

Интересно, сообщила ли Вера своему жениху о том, что свадьбы не будет? Скорее всего, нет, иначе у нее бы не было на пальце этого колечка.

На кладбище было еще мрачнее из-за скопления массы людей в траурных одеждах. Из машины я вышел последним и, пока шел, не мог отвести взгляда от чересчур прямой спины Лины. Она чуть отстала от мужа и дочери, словно давая мне шанс поравняться с ней и поговорить.

Так я и сделал. Какое-то время мы молча шли рядом.

– Север... – я еле услышал ее, так тихо она говорила. – Что тебе надо?

– Ты знаешь сама, и твой отец прекрасно дал понять что.

– Давай встретимся?

Раздумывал пару секунд. Встреча с Линой не входила в мои планы, но я понимал, что рано или поздно это должно произойти. Надо расставить все точки над *i*, давно пора, а заодно и проверить себя на прочность.

– Что ж, согласен. Когда?

– Сегодня вечером. Я напишу тебе, в каком отеле.

Усмехнулся. Нет уж, теперь только на моей территории.

– Я остановился в «Ritz-Carlton». Если хочешь, то подь-

езжай туда, – глянул на часы. – К восьми?

Она только кивнула.

– Ты куда-то собралась? – Константин вышел в холл, где Лина, стоя у зеркала, наносила на губы помаду.

– Да, хочу встретиться с Наташкой. Не могу находиться в доме.

– Неужели после всего этого ты еще способна двигаться? Чертовы поминки лишили меня последних сил, – муж хмыкнул.

– А меня нет. К тому же мне нужно выговориться.

– Я надеюсь, ты не за рулем? Знаю, как ты выговариваешься, – Костя нахмурился. – Во сколько тебя ждать?

– Не жди. Скорее всего, приду поздно, – она хихикнула. – Ну сам знаешь, как затягивают эти женские посиделки.

Схватив с вешалки плащ и послав воздушный поцелуй мужу, Лина ринулась за дверь.

Она не стала беспокоить водителя. Подозрительные вопросы Кости испугали. Еще не хватало, чтобы муж узнал, куда она собралась ехать. Хотя с какой стати он будет следить за ней? Раньше никогда такого не делал. Скорее всего, у Лины паранойя из-за этих ужасных фотографий.

Сидя на заднем сиденье, то и дело беспокойно вытаскивала из сумочки зеркало, оглядывала себя. С тех пор как она последний раз была с Севером, прошло больше десяти лет, и хотя она всё еще на высоте – сорок шесть сейчас, это не тот

возраст, из-за которого стоит впасть в панику, – всё же волновалась. Представив, как он сминает ее грудь, как один за другим стягивает чулки с ног и приникает губами к ее жаждающей дырочке, судорожно выдохнула. За последние три дня она уже столько раз чувствовала себя вымокшей там, внизу, что проще было бы и вовсе не надевать белья. Хм, неплохая идея.

В тот же миг стянула с себя влажные трусики и запихнула их в сумочку.

На улице уже темнело, что было на руку – меньше шансов быть узнанной. На ресепшене Лина узнала, в каком номере остановился Север Калинин, и, пока шла к лифтам, ей казалось, что все с любопытством смотрят ей вслед. Проклятая паранойя. Никогда прежде она так не боялась быть узнанной. В лифте выдохнула, но по мере того как приближался нужный этаж, сердце снова начало отчаянно колотиться о ребра.

Хорошо, что в коридоре ей никто не встретился. Найдя нужный номер, Лина остановилась в нерешительности. Готова ли она к этой долгожданной встрече? Ее отделяет от Севера несколько метров и дверь. Пытаясь справиться с разгоравшимся в груди пламенем, Лина уткнулась в дверь лбом. Вот сейчас... сейчас... еще минута, и она увидит Севера, почувствует его руки на себе, услышит его голос... и они будут одни.

Выдохнула, словно перед погружением в воду, и постуча-

ла.

Его шаги приближались, и Лине казалось, что еще чуть-чуть, и она не выдержит, упадёт в обморок. Как же долго она ждала этого дня!

Дверь распахнулась.

Север в просторных льняных брюках, босиком и в футболке с коротким рукавом – повседневная одежда для отдыха после рабочего дня так шла ему. И тёмные, еще влажные после душа волосы, зачесанные назад, подчеркивали его сексуальность. Пару секунд они смотрели друг на друга, Лина силилась прочитать в его глазах то, что ей так отчаянно желалось, но взгляд тёмно-серых глаз был непроницаем.

Север кивнул:

– Проходи.

Помог ей снять плащ, и, пока вешал его в гардероб, женщина гадала, заметил ли, как она оделась для него? Слегка повиливая бедрами, обтянутыми тёмно-красным платьем, Лина прошла в гостиную.

– Неплохо устроился. Отсюда красивый вид на Москву.

– Выпьешь что-нибудь?

– Ну разумеется, – она кокетливо рассмеялась. – Ты знаешь, что я люблю.

Мужчина слегка нахмурил брови:

– Шампанское? Извини, я не держу такую информацию в голове...

Сердце кольнуло.

– Тогда я напомним – шампанское с апельсиновым соком.

– Присаживайся, а я открою бутылку.

Что-то не так. Еще никогда она не чувствовала себя с Севером так неуютно.

– Ты изменился, – хмыкнула она.

Он налил в фужер вино, добавил сок и протянул Лине.

– А ты? – губы жалко расползлись в подобии улыбки.

– Извини, но я не пью. Сегодня.

– Сегодня? – она вскочила с кресла, бросилась к мужчине. – Именно сегодня, да? Когда я пришла к тебе? Да ты никак боишься меня? Или себя?

Выставив вперед ладонь, Север отступил назад.

– Не совсем понимаю, о чём ты? Что за чушь? Просто вчера вечером слишком много выпил виски, а сегодня были похороны... устал. Кстати, странно видеть тебя не в траурном наряде, хотя этот цвет тебе к лицу.

– А знаешь, я не хочу быть в трауре. Я живу! Все эти черные шмотки ничего не значат, тем более для моего умершего отца. Для него вообще ничего уже не имеет значения. Он умер.

Север тяжело вздохнул.

– Если бы не смерть деда, то я бы еще долго здесь не появился.

– Где ты был все эти годы? Ты пропал, как когда-то и твой отец. О тебе не было ничего известно.

Мужчина рассмеялся, пожал плечами:

– Те, кому я был нужен, прекрасно знали, где меня найти, а людям, которые решили вычеркнуть меня из своей жизни, это было ни к чему.

Лина умоляюще сложила на груди руки:

– Я понимаю, о чём ты. Если бы не Костя, я...

– Оставь, Лина. Дело прошлое, тебе не стоит оправдываться, – рука сама потянулась к шраму над бровью. – Да, кстати, ты ведь хотела со мной поговорить?

– Поговорить? – с непониманием уставилась на Севера. – Ах, ну да, и это тоже.

– А что-то еще? – брови мужчины удивленно приподнялись.

Лина словно шла по болотным кочкам, теряя равновесие, с трудом удерживаясь, чтобы не упасть. Она совершенно не понимала этого нового сейчас для нее мужчину, словно это был не тот неуверенный в себе, испуганный и готовый на всё ради неё Север. Наверное, надо быть более настойчивой.

– Север... – пальцы потянулись к золотому колечку застёжки на платье – она специально надела такое, чтобы легче было снимать. – Я скучала по тебе...

Молния взвизгнула, распахивая платье на две красные половинки и обнажая ее почти идеальное тело. Соблазнительно облизнула губы и медленно подняла ресницы – знала, он не удержится. Вот сейчас...

К удивлению Лины, Север как стоял с совершенно равнодушным видом, так и остался стоять. Взгляд женщины

скользнул ниже, желая убедиться, что хотя бы тело мужчины отреагировало естественным образом, но, к ее изумлению, в брюках было все спокойно. Не удержавшись, схватила за горло, пытаясь удержать стон.

– Извини, Лина, но меня перестали возбуждать прелести женщин постбальзаковского возраста. Не могла бы ты прикрыться, здесь сквозняк, не дай бог ты сляжешь с простудой.

– Ты не хочешь меня? – может, она просто что-то не так понимает, и это просто какая-то шутка, игра?

Север прошел к холодильнику и, достав графин с соком, налил в стакан.

– Да и зачем мне ты, когда у меня есть невеста? Она намного моложе и привлекательнее тебя, но в то же время между вами сходство. Те же рыжие волосы, глаза почти такого же цвета, только она намного моложе.

– Не-е-ет, Север, нет.

В ответ он только щелкнул пальцами, напоминая Лине, чтобы застегнула платье.

– Ты не посмеешь тронуть Верочку.

– Она будет моей женой, а своей собственностью я могу распоряжаться, как хочу.

– Ты слишком резок для нее, слишком напорист, а Верочка, Вера... ну, в общем, моя дочь тебе не подойдет.

– А вот твой отец почему-то так не думал. Вероятно, он посчитал, что мы с ней идеальная пара, а ведь вряд ли Савелия Васильевича Калинина можно было назвать дураком.

Лина судорожно кивнула, до крови кусая губы.

– Что ты хочешь взамен моей дочери? Ну хочешь, я разведусь с Костей и выйду замуж за тебя? И тогда мы оба будем законными наследниками, ведь я его родная дочь.

Север задумчиво разглядывал всё еще полуодетую женщину, судорожно пытавшуюся сладить с застёжкой своего платья.

– Я не понял, ты предлагаешь мне в жёны себя? С чего ты решила, что мне это интересно?

– Да потому что я сделаю тебя счастливым, дурак! Ты же помнишь, как тебе было хорошо со мной? Как я доводила тебя...

– Всё, Лина, остановись. Мне совершенно не интересно твоё предложение, да и с чего ты решила, что сможешь за просто соблазнить меня, хм, своим не первой свежести телом? К тому же я не собираюсь нарушать волю деда, и давай закончим на этом.

Лина не выдержала, метнулась к Северу, вцепилась в плечи.

– Ты не можешь, не можешь просто так избавиться от меня! Я ждала нашей встречи так долго... Север, ну прошу тебя, не отталкивай меня... Верка никогда не сможет дать тебе то, что могу я. – Ее тело скользнуло вниз, а дрожащие пальцы заторопились расстегнуть застёжку на его брюках. – Она ничего толком не умеет, не знает как ласкать мужчину. Да она и мужика-то голого в жизни не видела.

Лина почувствовала толчок, не удержалась и оказалась беспомощно лежавшей на полу.

– Если тебе больше нечего сказать, то прошу оставить меня, – голос Севера был холоден и бесстрастен.

С минуту смотрела на него затравленным зверьком, затем поднялась и, отвернувшись, принялась приводить себя в порядок.

– Ты пожалеешь, Север, обещаю тебе. Жизнь с Верой станет тебе поперек горла, я уж позабочусь об этом, – последний раз всхлипнула и, схватив фужер с недопитым шампанским, залпом опустошила.

Север молча подал ей сумочку и прошел в холл. Подал ей плащ.

– До встречи, Лина.

Не глядя ему в глаза, она выскочила из номера.

Она ушла.

Я прислонился спиной к двери, прикрыл глаза. Я выдержал эту битву, которая так нелегко далась. Я ожидал, что Лина будет уговаривать меня отказаться от наследства, пытаться подкупить или как-то договориться, но чтобы так откровенно предлагать себя взамен своей дочери? К этому я готов не был.

С трудом сдержал свою мужскую сущность, когда Лина так бесстыдно скинула с себя одежду. Слава богу, верхняя

голова успела отдать приказ нижней успокоиться. Старался не дышать, чтобы случайно не выдать, что чувствую, а сам не мог отвести взгляда от этого тела, которое помнил слишком хорошо. Даже закололо в кончиках пальцев, помнивших прикосновения к нему. Моргнул, вдох-выдох, и переключил мысли на Миру. Она совсем другая – аппетитная, сладкая, отдающая себя, а не захватывающая в свои сети, как та, что сейчас стояла передо мной и требовала капитуляции. Стало противно. И сам себе стал противным за мелькнувшие чувства. Пусть уходит.

И всё-таки я снова преодолел себя и свои желания, как и много лет назад, после того случая с ее дочерью.

Пока я отлеживался в больнице, оправляясь после побоев и заживляя переломанные ребра, Лина ни разу не навестила меня, зато как только выздоровел, она снова начала свои преследования. На звонки не отвечал – был сильно зол и обижен. Знал от деда, что тому потребовались немалые усилия, чтобы замять это скандальное дело. Константин Осадчий требовал судебного разбирательства, пытаясь обвинить меня в попытке изнасилования его дочурки, хотя отлично знал, что произошло на самом деле. А Лина молчала, прекрасно понимая, что теперь ей легче подчинить меня себе. Просто-напросто предала своим молчанием.

И когда в один из вечеров подкараулила меня, когда я возвращался с работы, я нашел в себе силы сказать твёрдое «нет».

Затем дед отправил меня на учёбу, и жизнь закрутилась, завертелась, не оставляя места мыслям об этой женщине. Чем больше проходило времени, тем свободней и уверенней я себя чувствовал. К тому же больше не испытывал недостатка в женском внимании – я привлекал их многим: внешнею, деньгами, умом. Я стал сильным духом и более жестким, приобрел те качества, которых мне когда-то так не хватало.

На столе стоял опустевший фужер со следами красной помады. С брезгливостью взял его двумя пальцами и поставил на поднос с использованной посудой. Приоткрыл окно, впуская свежий осенний воздух. Этот сладкий запах духов Лины раздражал, вызывал слишком неприятные воспоминания. А теперь в душ, горячий, чтобы навсегда смыть прикосновения этой женщины со своего тела.

4

Настроение было изгажено, а погода, мерзкая и слякотная, под стать ему. Лина села в такси, сама не зная куда ехать. Домой не хотелось. Костя наверняка заперся в своём кабинете, а Верка... Ее уж точно не хотелось видеть. Дочь, которая совсем скоро станет женой Севера, и будет спать с ним в одной постели. Только она не та, которая нужна этому мужчине. Вера хоть молода и красива, но никогда не сравнится с ней – Линой. Лина точно знала, что и как любит Север, а Вера – холодная рыба, ледышка, недотрога. Даже Борису, с

которым была уже больше года, не позволяла ничего, кроме робкого поцелуя.

Ах да, Борис...

Косте все равно сказала, что будет поздно, так почему бы и не повысить своё чувство собственного достоинства с молодым любовником?

Достав телефон, быстро набрала его номер.

– Борис? Ты не занят? – Ей польстило, что тот обрадовался ее звонку. Хоть кому-то она нужна. – Я скоро буду у тебя.

Назвав водителю адрес, Лина устроилась поудобней на заднем сиденье...

...Борис ждал ее и, Лина видела, был рад её приезду. Ещё бы, какой нормальный мужик выдержал бы многомесячное воздержание? Умом бы тронулся точно.

К Борису она испытывала нежные чувства, совершенно отличавшиеся от тех, что испытывала к Северу – к нему у Лины кипела неукротимая страсть, порой демонски тёмная, а к Борису она чувствовала нечто подобное любви к щенку, от которой щемило сердце. Да и как еще можно было относиться к этому розовощекому кучерявому купидону? А как ласков он был с ней! Такими поцелуями ублажают девственниц – робкими и невинными. Даже припадая к ее груди, Борис напоминал младенца. Лина предпочитала действовать сама, распластывая юношу на постели, настырно насаживаясь на его крепкий корень, виляла бёдрами, кричала, стонала, пока ее страсть не передавалась Борису. И тогда он,

наконец, забывался и переставал быть с ней нежным, вонзаясь в нее со всей силой – так, как нравилось Лине, так, как когда-то делал Север.

– Как ты? – Борис с сочувствием глядел на Лину.

– На последнем дыхании, – женщина сбросила в руки молодому человеку плащ.

– Как прошли поминки?

– Слишком много людей, шума. А дома еще тяжелее. Все разбрелись по комнатам, и до меня никому нет дела, – наконец, она могла дать волю слезам, и пусть Борис думает, что она оплакивает смерть своего отца. – Я устала, Боренька.

Она села на стул и принялась снимать сапожки. Борис тотчас же опустился на колени, чтобы помочь.

– Бедная, – массировал ей ступни. – Выпьешь свой любимый «Rieslings»? – Лина отрицательно покачала головой. – Давай я отнесу тебя на кровать?

Он без усилий подхватил ее на руки. Слезы еще сильнее закапали из глаз Лины. Какой он милый! Ну почему он не тот, кто нужен ей? Почему Север не может быть другим?

Борис уже расстегивал застёжку платья, орошая поцелуями шею и плечи.

– Люби меня, люби... – прошептала Лина, прикрывая веки и отчаянно прижимая кудрявую голову к своей груди.

Константин, велев водителю дожидаться, вышел из автомобиля и быстро взбежал по ступенькам. Уже третий день

лил противный дождь, и мужчина нетерпеливо открыл стеклянные двери. По мраморному полу гулко отдавались его шаги.

Константин приложил электронную карту к сенсору, нахмурился. Что за черт?

– В чем дело? – окликнул он секьюрити.

– Извините, господин Осадчий, но вы не можете войти.

– Да? Интересно, почему?

– Ваша карта аннулирована.

Мужчина рассмеялся.

– Ты рехнулся? У меня важная встреча через пять минут!

Что значит аннулирована? Кем?

– Новым владельцем корпорации, – секьюрити заглянул в журнал. – Калининым Северином Александровичем.

Константин что-то хотел сказать, но так и остался стоять с приоткрытым ртом. Да с какой стати этот сукин сын распоряжается здесь?! В конце концов, завещание еще не вступило в силу, да и еще неизвестно как всё обернется. С наследником может приключиться что угодно – несчастный случай, например.

– Тогда свяжите меня с этим вашим, как там его, господином Калининым.

– К сожалению, он сейчас на встрече и освободится только через два часа. Не могли бы вы пока прогуляться где-нибудь неподалёку?

Константин не стал больше слушать этот бред – выбежал

наружу, уже не обращая внимания на дождь.

Внезапно неприятная мысль заставила его броситься к машине с водителем.

– Домой! – приказал он. Пока ехал до дома, судорожно набирал телефоны банков. Так он и знал – все его кредитки были заблокированы. Как же хотелось набить морду этому гадёнышу! А еще лучше – насовсем избавиться от него. К сожалению, Константин пока не мог себе этого позволить. Здесь нужна другая игра, и если надо, то пешкой в этой игре он сделает свою дочь.

Ворвался в свою квартиру, на ходу сбросил пиджак, портфель полетел в угол прихожей. Его уволили! Он теперь безработный! На шум вышла из своей комнаты Вера.

– Папа, с тобой все в порядке?

– Нет! Где твоя мать?

Брови дочери изумлённо взметнулись:

– Где-где, как обычно – в салоне.

Мужчина присел на пуфик в углу, закрыл руками лицо.

– Да что с тобой?

– У меня теперь нет работы. Я больше не управляющий «Энвитек».

– Почему?! – теперь дочь непонимающе уставилась на отца.

– Потому что твой жених уволил меня. Меня!

– Борис?

Мужчина резко подскочил, заставив Веру ахнуть и отступить.

– Какой на хрен, Борис, Вера?! Ты что, не понимаешь, что у тебя теперь другой жених?!

Девушка хмыкнула, сморщила носик:

– Ты это серьёзно? А меня не забыли спросить?

– Твоё мнение мало кого волнует, понятно?!

Константин увидел, как изящные ноздри дочери раздулись, губы стянулись в нитку:

– Ни за что! Никто меня не заставит что-либо делать против моей воли!

Забегала обратно в комнату, громко хлопнув дверью. Константин слышал, как открываются дверцы шкафа, звуки выдвигаемых ящичков...

Через пять минут Вера, уже одетая в джинсы и свитер, появилась в прихожей:

– Слишком поздно, папочка. Мы сегодня же с Борисом распишемся.

Константин даже не успел остановить разъяренную дочь – входная дверь захлопнулась перед ним, едва не прищемив ему руку.

В офис я пришел раньше всех. До прихода сотрудников надо было разобраться с документами – договорами, контрактами, отчетами. Вызвал начальника внутренней безопасности и дал ему распоряжения заблокировать пропуска

для всех членов семьи Осадчих. Немного подумав, позвонил в финансовый отдел. Константин, его супруга и их дочь, вот уже много лет пользовались корпоративными кредитными картами, и этому должен прийти конец. Теперь им надо научиться жить на свои средства, а какие – это уже их проблема.

До намеченной встречи с менеджерами отделов оставалось время, и я решил просмотреть личные дела некоторых сотрудников, хотя на самом деле меня интересовал один – Борис Глебов. За последние два дня я только и делал, что вытаскивал подноготную этого парня из соцсетей, а хотелось знать еще больше о женихе моей невесты.

Марина Сергеевна, личный помощник моего деда, принесла несколько папок и стояла, терпеливо ожидая дальнейших распоряжений. Я ее неплохо знал – дед познакомил нас несколько лет назад.

– Что-нибудь еще, господин Калинин?

Оторвавшись от бумаг, посмотрел на нее и улыбнулся. Пожилая женщина явно не знала, что ожидать от нового шефа.

– Если только чашечку хорошего крепкого кофе.

Она тут же заторопилась исполнить мою просьбу.

Уже через пятнадцать минут передо мной лежали личные дела интересующих меня людей, монитор привычно светился бледно-голубым, а на столе дымилась чашка ароматного напитка.

Нажал кнопку селекторной связи и попросил Марину

Сергеевну пригласить начальника внешней безопасности.

Виктор Андреевич словно ожидал звонка – стоял уже на пороге.

– Север, – улыбнулся мне, протянул руку. – Приятно видеть.

Он был одним из самых доверенных лиц моего деда. Знал всех окружающих людей, подбирал надёжных телохранителей.

– Я тоже рад, – кивнул в ответ и указал на кресло напротив. – Виктор Андреевич, как человек новый, я бы хотел спросить, кого мне стоит опасаться, а кто может быть мне полезен.

Уголки губ мужчины слегка дёрнулись в лёгкой усмешке.

– По-хорошему, тебе, парень, стоит сменить чуть ли не всю верхушку. Слишком долго они работали с Константином и неизвестно в какой момент могут напакостить. Не все, конечно.

– Я готов к этому. У меня достаточно своих, преданных мне людей, с которыми бизнес будет только процветать.

– Сегодня мне звонил сам Осадчий. Как я понимаю, доступ сюда ему закрыт?

– Да. Его личные вещи уже отправлены ему с курьером.

– У твоей... извини, но Савелий Васильевич незадолго до своей кончины ввел меня в курс дела... – он вздохнул. – В общем, человек, с которым твоя будущая супруга встречается, работает в нашей компании.

Я кивнул.

– Пусть работает, но сделайте так, чтобы они больше не встречались. – Виктор Андреевич пометил в своём блокноте мои пожелания. – И о главном. Что мне угрожает?

– Скажу сразу – тебе необходима личная охрана. Слишком много недоброжелателей и уж больно резко ты начал действовать.

Рассмеялся.

– Иначе не мог. Это как экстренная операция.

– Сегодня я пришлю людей из ЧОПа, с которым мы давно сотрудничаем.

– Благодарю, Виктор Андреевич, вы можете быть свободны, – и уже когда тот открыл дверь, спросил: – А моей невесте может грозить какая-нибудь опасность?

Мужчина прикрыл дверь и повернулся ко мне с ухмылкой на круглом лице:

– Разумеется, но в большей степени угроза может исходить от нее самой.

Вот чёрт! Что он имел в виду? Стоит ли мне приставить телakov и к Вере, или самому присматривать за ней?

Времени у меня на это не было. Остались незаконченные дела в Дубае, контракт с китайцами, которому ещё дед собирался дать ход, да и здесь, в офисе, слишком много навалилось всего. Сегодня же вызвоню свою спасительную команду – надежных людей, с которыми собирался работать бок о бок...

...Уже вечером, когда убрал со стола все папки и документы, оставив только заявление об уходе от Марины Сергеевны, вызвал её к себе в кабинет.

– Уважаемая Марина Сергеевна, могу ли я вам задать вопрос? И обещайте, что вы ответите на него честно. Вам не нравится со мной работать?

Женщина на миг смутилась, опустила глаза, а я выжидающе смотрел на нее, отмечая про себя ее тёмный строгий костюм, чёрную ленту на голове.

– Я просто устала, Северин Александрович. Я ведь проработала здесь больше сорока лет. – На её губах мелькнула грустная улыбка. – Савелий Васильевич был замечательным человеком, а теперь, когда его нет, я чувствую, что без него сил нет и у меня.

– Я не могу позволить вам уйти сейчас, да, думаю, вы и сами понимаете. Пока у меня не найдется достойной вам замены, я вас не отпускаю.

– Северин Александрович, – женщина улыбнулась, – у меня есть несколько кандидатур на примете, все с опытом работы, а одна девушка вообще работает у нас. Майя Галкина.

– Хорошо, – кивнул. – Тогда завтра с утра попросите ее зайти ко мне.

К концу недели я потихоньку начала сходить с ума. Не могла больше находиться дома, заперевшись в комнате – это совершенно не в моей натуре. Тоска. Только и слышны шаги

отца, расхаживающего по своему кабинету, и мамина трескотня по телефону. Как назло, новый босс, который узурпировал место моего отца, загрузил Бориса работой так, что тот даже не имел возможности со мной встретиться. Меня все бесило: и Борис, которому работа была важнее меня, и родители, которые твёрдо настаивали на моём замужестве с этим самозванцем, да и сам этот любимый дедушкин внучок вызывал у меня раздражение. Наверное, за всю жизнь не слышала о нём столько, сколько за последние три дня. Вот бы ворваться к нему в кабинет, бывший отцовский, и посмотреть в наглые глаза или, еще лучше, плюнуть в хамскую рожу.

Ничего, я придумаю способ извести его. Слава богу, фантазией меня бог не обделил.

Схватив с полки макбук, открыла свою страничку в инсте, ту, о которой даже не знала моя лучшая подруга.

Я придумала себе развлечение несколько лет назад, когда родители запретили поступать на журфак, вместо этого отправив меня в дурацкий колледж учиться на факультет экономики. Блоггерство тогда только-только набирало популярность, и я успела попасть на самый гребень этой волны. К сожалению, из-за того, что вокруг родителей вечно сновали всякие важные чины, мне пришлось скрываться. Сначала это казалось нелепым, а потом я прониклась этим, и мне стало нравиться, что никто меня не узнаёт. Да и как можно в немного развязной жгучей брюнетке с ярко-голубыми глазами и в три раза большим размером груди узнать меня –

послушную дочку Константина Савельевича Осадчего?

Мои блоги сразу стали популярными – то скандальные интервью с сыном известного олигарха, то игра в покер в одном из подпольных казино, то разнузданная вечеринка с помощниками депутатов в гей-клубе. Да разве кто-нибудь когда-нибудь мог поверить, что Верочка Осадчая способна на такие авантюры?

И теперь настало время применить всю свою жесткую тактику, чтобы ткнуть Севера носом в кучу дерьма. У меня получится, обязательно.

Я с интересом разглядывала фотки в инсте, словно видела их первый раз. Скандальные истории, выложенные мной, густо приправленные специями – перчиком и уксусом. Со всем скоро все узнают много интересного и про господина Калинина.

Так замечталась, что когда зазвонил телефон, едва не подскочила. Подруга!

– Майка, привет, – обрадовалась ей, словно сто лет не слышала ее голос, хотя мы меньше недели назад вернулись вместе из Бенидорма.

– Ты не представляешь, как я заработалась! – начала она слегка томным голосом, и я даже представила, как она закатывает глаза. – Шеф совсем загонял – ни минуты, чтобы поболтать с девчонками, даже кофе попить некогда. А домой прихожу – валюсь с ног. И так каждый день!

– Господи, какая скукота. Не представляю, как ты мо-

жешь работать в офисе – каждый день одно и то же, – я даже не смогла подавить внезапный зевок.

– Ну не скажи, Вер. Он хоть и требовательный, но такой сасный*.

– Он что, мужик? – я рассмеялась. – Ты же работала у какой-то тетки!

– Ну это было давно. Сама понимаешь – новая метла по-новому метет. Я теперь личный помощник САМОГО.

– Кого?

– Повторю. Я личный помощник господина Калинина Северина Александровича.

У меня аж в глазах потемнело.

– Ну и... как... – я стала заикаться. – Как он тебе?

Майка довольно рассмеялась:

– Знаешь, он такой классный босс! – в голосе послышались кокетливые нотки. – Не могу поверить, что из всех он выбрал меня...

– Слушай, а ты не хочешь встретиться? Прямо сейчас, – перебила ее, пока подруга не стала открывать мне подробности их секретарь-босс отношений.

– Если только ненадолго, – она зевнула. – На работе так устаю, что сил больше ни на что не остаётся.

В глазах тут же возникла картина – Майка в коротенькой юбочке и на три пуговички расстегнутой блузке жеманно улыбается Северу, а тот похотливо заглядывает в этот ее вырез. Козёл.

– Хорошо, надолго не задержу. В нашем клубе через час.

Нажала отбой и тут же бросилась к шкафу. Быстренько нарядилась в короткое платье от «Dolce&Gabbana», чулки, замшевые ботфорты и, подхватив сумочку, выскочила за дверь.

Подруга уже ждала, сидела за столиком, перед ней стоял коктейль. Увидев меня, вскочила, набросилась с объятиями.

– Ну как ты? Прости, что не смогла быть на похоронах – акклиматизация после Испании.

– Да ладно, – махнула рукой. – Я бы и не хотела, чтобы ты там была. И Борису сказала, чтобы не приходил.

– Но Север-то там был? – в глазах Майки сверкнуло любопытство, хотя это мне было впору интересоваться новым главой корпорации.

– Был, но я с ним не разговаривала. После того, что произошло...

Майка потянула меня за стол.

– Садись, рассказывай всё по порядку. Что случилось? Кроме кратких новостей в газете и статьи в «Деловом Мире», никто ничего интересного про этого Калинина не пишет.

– Не волнуйся, всему своё время, – я усмехнулась. Моя идея уже обретала свою форму. – У меня есть знакомая девчонка-блогерша, попрошу ее разузнать какие-нибудь пикантные подробности.

– Этот твой родственничек очень скрытный. Хоть бы фотку со своей тёлкой на столе поставил, а так ничего, чтобы сказало о нем как о мужике. И самое неприятное, – Майка потянулась через весь стол и громко зашептала. – Он даже на меня не смотрит. И еще – в первый же день сказал, чтобы я сменила свою одежду на более деловой стиль. Не, ну ты представляешь? – А меня вдруг накрыло странное облегчение. Хотя нет, вовсе не странное – надоело, что все мужики пялятся только на Майку и ее сиськи. – И вообще, мне кажется, что Север заглядывается на мальчиков.

Я хихикнула:

– С чего ты взяла?

– Да он только и делает, что смотрит на твоего Бориса. Еще бы, он такой хорошенький, прям как ангелочек.

– Моего Бориса? – вот это мне уже не понравилось. Майку я не поставила в известность, что у Севера есть далеко идущие на меня планы. Вот оно, значит, как, этот ублюдок выискивает инфу о моём женихе!

– Кстати, когда ваша с ним свадьба?

Я что-то пробормотала нечленораздельное – откуда мне знать, что случится? В ближайшем будущем. Никогда раньше я так не была не уверена в завтрашнем дне.

– Пойдём потанцуем, – предложила подруге.

Она охотно согласилась.

Пока извивались с ней на танцполе под электронку, я продумывала дальнейший план действий. Пора познакомиться

с этим Севером поближе.

Вечер удался. И натанцевалась, и расслабилась, почувствовав себя в своей тарелке, а самое главное – выудила у подруги информацию о Севере.

Он остановился в «Ritz-Carlton» – дорогом пятизвездочном отеле. Еще бы! Теперь он мог позволить себе шиковать на дедушкины деньги! Ездил он на сером мерине и каждый день обедал в «360» на восемьдесят девятом этаже башни «Федерация.Восток». Еще Майка сказала, что Север просил открыть ему членскую карту в «ТАО Fitness». Значит, придётся это сделать и мне, но под совершенно другим именем. С этим проблем не было – с тех пор как стала популярной блогершей, у меня появились самые различные связи. Проблема в другом – моя платиновая безлимитная кредитка заблокирована, придётся где-то выискивать эти жалкие триста тысяч рублей.

Уже по дороге домой снова набрала Борису. Последние три дня связаться с ним не удавалось. После нескольких sms-ок и пары сообщений на автоответчик разозлилась и дала парню последний шанс – и вот он наступил.

Голос Бориса был уставшим и каким-то тусклым, и я, тут же забыв свои обиды, с беспокойством спросила:

– Боря, что с тобой? Ты заболел?

– Нет. Со мной всё нормально.

– А как у тебя дела с работой? Какие-то сложности?

– Нет. Там тоже всё в порядке.

– Тогда что у тебя с голосом? – мне надоело гадать и вытягивать у парня признания. – Ты мне не звонил уже три дня, на сообщения не отвечаешь, да и на звонки тоже.

– Прости, Вера, но мне кажется, что нам не стоит больше встречаться.

– Когда кажется – креститься надо! – выпалила я знакомую с детства фразу. – А ну-ка говори в чём дело!

– Извини, но я не могу. – он говорил таким непохожим на него голосом, что я запаниковала. Должны же быть этому какие-то объяснения?!

– Я еду к тебе! – крикнула, отключаясь.

Успела услышать, что парень пытался что-то возразить, но мне было плевать. Я должна была всё выяснить.

Борис долго не открывал дверь, а я стояла и требовательно жала на кнопку звонка.

– Боря! – крикнула, ударила кулаком по дерматиновой поверхности двери.

– Вера, уходи... – послышался его голос.

– Открой, нам нужно поговорить!

Да что с ним такое?!

Замок щелкнул и дверь приоткрылась.

– Ну, может,пустишь?

Парень отступил, давая мне войти в тёмную прихожую.

– Ты не один? Кто у тебя? – пронеслась мимо него, распахнула дверь в спальню, затем бросилась в кухню.

– Вера, – он положил руки мне на плечи, разворачивая лицом к себе. – Возникли непредвиденные обстоятельства, и мы не сможем больше быть вместе.

– Почему? – крикнула, впиваясь взглядом в его лицо. Какое-то потерянное... – Ты больше не любишь меня? У тебя кто-то появился?

Он сморщился, словно собирался заплакать, и еще крепче стиснул мои плечи.

– Нет, что ты. У меня, кроме тебя, никого нет, и я очень тебя люблю, но...

– Тогда что? Скажи. Почему ты не отвечаешь на мои звонки, говори, ну?

– Ты сама знаешь.

Меня начала колотить дрожь, в ушах нарастал неприятный гул, который усиливался с каждой секундой.

– Между нами все кончено. Ты больше не моя невеста.

– Как не твоя? – опешила, судорожно ловя ртом воздух. – Я люблю тебя, Боренька, люблю. Я твоя.

– Спроси у своего родственника, который теперь мой босс.

– Север? Не-е-ет! – Какая скотина! Значит, он всё рассказал Борису? – Боря, не слушай его, – я вцепилась руками в рубашку на груди парня. – Ну пожалуйста! Да кто он такой? Он не посмеет ничего сделать ни мне, ни тебе!

– Вера, у него власть и деньги, и он мой босс. Если я не сделаю так, как он хочет, то я не то что останусь без работы, но и вообще не смогу найти какую-либо работу в радиусе двухсот километров. А я не хочу жить в каком-либо Задрыщинске. Прости.

– Но если мы распишемся, то будет уже поздно. Ты же говорил, что у тебя есть знакомые в ЗАГСе.

Борис покачал головой, отцепил мои руки от себя.

– Нет.

Слёзы мешали мне видеть его лицо. Хлюпнув носом, я решительно утерла их:

– Хорошо. Тогда я хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной. Сейчас.

– Вера! – теперь в его голосе был настоящий ужас. А меня это взбесило так, что в глазах словно полыхнул огонь. Даже слезы, казалось, высохли.

– Или я такая отвратительная, что, кроме детских поцелуёчков, ты не можешь позволить ничего большего? Я что, так тебе не нравлюсь? – сузила глаза. – Или... или ты голубой? Ну скажи же?

– Девочка моя, – его голос был ласков, но вместо того, чтобы обнять меня, успокоить, Борис отступал. – Конечно, я тебя люблю, но так прям сразу, нет, я не могу. К этому надо подготовиться.

– А я хочу, чтобы ты сделал из меня женщину! – топнула ногой.

– Это непросто.

– Или у тебя не стоит? – метнула взгляд на ширинку Бориса. – А, понятно, ты импотент. Ну и отлично! Лучше узнать сразу, чем после свадьбы. – Я бросилась к входной двери, схватила брошенную на пол сумочку. – Тогда да, пусть твой босс трахнет меня!

Выбежала, хлопнув дверью так, что на лестничной клетке задрезали стёкла.

Стояла, не зная что делать, куда бежать, еще надеясь, что вот-вот откроется дверь и Борис позовёт обратно, извинится, и всё встанет на свои места. Тишина.

Я села на холодную каменную ступеньку и горько заплакала.

5

К следующей неделе я наконец-то смог разгрести половину дел, которые достались мне от моего предшественника – провёл несколько встреч с инвесторами, подписал пару важных соглашений, провел брифинг с ключевыми менеджерами.

Девчонка, которую мне посоветовала в личные помощники Марина Сергеевна, несмотря на юные годы, оказалась довольно организованной и знала своё дело, что меня даже удивило. Когда она впервые вошла в мой кабинет, я едва не подавился кофе – пришлось опустить чашку с напитком на стол. Таких сисек я уже давно не видел. Ладно бы они были прикрыты лацканами пиджака, но на девушке была наде-

та блузка в обтяжку, пуговички расстегнуты чуть ли не до солнечного сплетения, не оставляя места для фантазий, которые мне совершенно были не нужны в рабочее время. Сидела напротив меня, то и дело облизывая свои пухлые губы, что я на минуту почувствовал себя жертвой хищника. Задав основные вопросы и выслушав на них ответы, я всё же не удержался и попросил Майю Галкину сменить свой рабочий имидж. Забавно было наблюдать, как покраснели ее щёки.

На следующий день с удовлетворением отметил, что девушка отнеслась к моей просьбе серьезно – теперь на ней был скромный костюмчик, блуза под горло и юбка, чуть приоткрывающая колени.

Как личный помощник она меня вполне устраивала, а остальное меня совершенно не волновало.

Я как раз только выключил монитор, потянулся в кресле. Время обеда, и мне хотелось провести его в тишине какого-нибудь затерявшегося в окрестностях жилых домов кафе – надоел официоз ресторанов, – когда раздался сигнал интеркома.

– Север Александрович, к вам посетительница, – голос Майи был слегка растерянным.

– Кто?

– Она не желает называть своё имя. Говорит, что хочет сделать вам сюрприз.

– Это личное?

Секундное молчание, а затем:

– Я думаю, да.

– Передай ей, что я не принимаю по личным вопросам в рабочее время.

– Она сказала, что вы будете ей рады, – зашептала девушка. – Что мне делать?

– Майя, вы мой личный помощник и сами должны знать, что делать.

– Ой... Север Але... – послышался какой-то шум, и через секунду дверь моего кабинета распахнулась.

– Мира? – у меня даже челюсть отвисла. Я встал из-за стола. – Ты?

Вошедшая женщина на какое-то время застыла в дверях, давая возможность разглядеть ее. Красивая. Белый брючный костюм и золотые украшения прекрасно гармонировали с ее смуглой кожей и гладкими черными волосами. Мгновение, и почувствовал возбуждение – только сейчас понял, как моё тело соскучилось по этой женщине.

– Привет, дорогой.

Она прошла к моему столу, наклонилась, позволяя полюбоваться ее безупречной грудью в вырезе блузы, и подставила губы для поцелуя. Невольно кинул взгляд на уставившуюся на нас Майю, которая в растерянности застыла в дверях.

– Откуда ты здесь?

Мира рассмеялась:

– Сразу отвечу на два твоих вопроса: Да, это я, и я из Дубая.

Глазами показал Майе закрыть дверь и оставить нас с Мирой наедине. Натянув на лицо улыбку, указал ей на стул напротив.

– И что же ты делаешь в Москве? Разве я не сказал тебе, что нет необходимости приезжать?

– Ты совсем перестал мне звонить и даже отвечать на мои звонки. За две недели многое изменилось, и, как я понимаю, у нас обоих.

Я кивнул. Она права. Но только Мира еще не знает, какие ожидают нас перемены. Наверное, надо было рассказать сразу, тогда бы ей не пришлось лететь сюда.

– Так вот, милый, я получила отличное предложение, которое собираюсь принять.

– Предложение? – на миг нахмурился – руки и сердца?

Мира, словно прочитав мои мысли, рассмеялась.

– Нет, не волнуйся, не то, что ты подумал. Здесь появилась вакансия психотерапевта в одной престижной частной клинике, и я согласилась.

– Погоди, а как же твоя работа в Дубае?

Мира пожала плечами:

– Здесь лучшие условия, к тому же мы можем быть вместе.

– Мира, послушай... – надо все-таки объяснить ситуацию. – Давай поужинаем сегодня?

– Разумеется, милый, – она протянула ладонь. – Ключ от номера? В каком отеле ты остановился?

Раньше я бы и глазом не моргнул – дал ключ, не задумы-

ваясь. Да и сейчас автоматически сунул руку в карман пиджака и едва успел себя остановить – у меня есть невеста, черт ее побери. Я не могу позволить себе развлекаться на стороне, особенно сейчас, когда голодные журналисты так и выискивают скандальные истории.

– Ну хорошо, если не можешь дождаться ужина, то давай вместе пообедаем.

Я сразу понял по ее внезапно потухшему взгляду, по слегка дрогнувшим уголкам губ, что женщина почувствовала назревающие неприятные перемены.

– Прекрасно, я как раз хотела тебе это предложить. Прилетела рано и сразу на интервью, во рту ни крошки со вчерашнего вечера.

Я с готовностью вскочил из-за стола, надел висевший на спинке стула пиджак и, уходя, попросил Майю передвинуть мои встречи на час позже.

– Ты что, теперь ходишь с личной охраной? – Мира недоверчиво оглядела двух мощных парней, следовавших за мной.

Пожал плечами:

– Приходится. Слишком много недоброжелателей.

– Теперь мне ясно, почему ты так отдалился – у тебя и впрямь изменения в жизненном укладе.

– Ты многого не знаешь.

Мы вошли в зал ресторана. Официант провел нас к заре-

зервированному моей помощницей столику. Пока Мира разглядывала меню, я думал, с чего начать разговор. Я надеялся, что она не питала ко мне более серьезных чувств, чем я к ней. Мне с ней было комфортно и спокойно, и, наверное, она испытывала ко мне нечто подобное. Никакой любви, только привычка, от которой сложно, но можно избавиться. Да и любил ли я когда-нибудь? Не думаю, что то первое чувство, в которое когда-то давно меня, словно носом в дерьмо, макнула одноклассница Вероника, можно было назвать любовью.

Услышав лёгкий смех Миры, вздрогнул и перевел взгляд на нее. Задумался, не заметив, что она уже давно отложила меню и разглядывает меня.

– Всё с тобой ясно, Север, – она положила руку на мою. – По твоему лицу можно читать, как по книге.

– Ну и что ты вычитала?

Улыбка исчезла с ее лица.

– У тебя какие-то новые обязательства, и они не дают тебе покоя...

Теперь рассмеялся я:

– Это ясно и без того, мисс Психолог. В любой газете только и идет речь обо мне и корпорации.

– ...и эти обязательства проложат между нами барьер.

Я вздохнул. Хорошо, когда самому не приходится ничего говорить, объяснять, оправдываться. Глаза Миры, словно лазерные лучи – видят насквозь. Спасибо, дорогая моя, что подтолкнула.

Я откашлялся, поправил галстук, а она усмехнулась, приготовившись слушать.

– Мы больше не можем быть вместе.

– Вместе? Но мы никогда и не были, Север. Вместе – это когда ты просыпаешься в одной постели и засыпаешь, когда готовишь завтраки, стоя бок о бок, когда сидишь у костра, держась за руки, и молчишь. А мы... Мы так...

– Хорошо, – вздохнул. – Мы не сможем больше встречаться, видаться, заниматься любовью...

– Любовью? А разве мы занимались любовью? Ты хоть знаешь разницу между любовью и просто сексом?

Кивнул. Я понял. Мира права. Во всяком случае, с моей стороны это был просто секс – хороший мощный трах, физически удовлетворяющий нас обоих, но ничего не затрагивающий в наших душах.

Отставил бокал с вином.

– Ты всё поняла. Не знаю, стоит ли дальше продолжать.

– Конечно, продолжай. Я с удовольствием послушаю. Как психотерапевт. Тебе же он тоже нужен, и даже более чем кому-либо другому. Так кто она?

– Она внучка моего деда. Вера Осадчая.

– Красивая?

– Мира, это совершенно не имеет значения. Я ее даже не знаю, мы встречались пару раз, – торопливо заговорил, а сам боялся поднять на нее глаза. Она бы прочитала в них всё, даже то, что я сам еще не знал. – Просто я по глупости по-

обещал деду исполнить его волю...

– Дед умер.

Мира отпила вино, поставила бокал. Мне показалось, или ее рука дрожала?

– Да, это так, но я не смогу нарушить свое слово.

– И не надо. Ты прав, Север. Между нами ничего быть не может. В принципе, ничего ведь и не было, мы просто друзья с бенефитами. Согласен?

Кивнул. Она права.

Нам принесли заказ, и мы молча начали есть. Я так и не мог поднять на взгляд на Миру – боялся. Разговор не клеился. Я чувствовал себя хреново, словно предал лучшего друга. Спасла ситуацию Мира.

– Не волнуйся, Север, я прекрасно понимаю тебя. Это хорошо, что ты честный человек, а это большая редкость. Если ты беспокоишься обо мне, то не стоит – я не влюблена, моё сердце бьётся спокойно, в душе нет дрожи. Всё, закончим на этом. – Она подняла бокал. – Давай выпьем за нас и наше будущее, где нет «нас».

Ночью я спал беспокойно, то и дело просыпаясь – глядел в потолок, думал, снова засыпал и опять просыпался. И сны были какие-то неприятные и тревожные, которые я даже не запоминал. Правильно ли я сделал, что прервал связь с Мирой? Я еще не женат, меня не связывают чувства с моей невестой, да и для неё я никто. Нет необходимости сдерживать

свои телесные желания – я далеко не монах. С другой стороны, не мог представить, как, имея невесту, смогу встречаться и заниматься сексом с другой женщиной. Окончательно заснул с мыслью, что не хочу ждать свадьбы целых полгода – пусть будет, что будет, но возьму от этого навязанного брака всё, что можно, включая интимные отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.